№ 16. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ Цѣна 15 к.

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

15 Мая. ГОДЪ ИЗДАНІЯ I-ый 1916 г.

Группа лицъ участвующихъ въ сборѣ устроенномъ 5, 6 и 7 апрѣля въ Петроградѣ въ пользу армянъ.

МОСКВА.

№ 16. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ 1916 г.

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

СОДЕРЖАНІЕ № 16.

Москва, 15-го мая.

Ходъ работъ земскаго совѣщанія на Кавказѣ превзошелъ худшія опасенія, высказывавшіяся въ печати. Грузино-мусульманское большинство не пожелало считаться ни съ какими соображеніями, кромѣ тѣхъ, которыя были продиктованы его классовыми и національными аппетитами. Соціальный составъ этого большинства очень опредѣленный: руководящую роль въ немъ играютъ крупные землевладѣльцы. И вотъ эти господа не пожелали сдѣлать никакихъ уступокъ представителямъ другихъ общественныхъ группъ и другихъ національностей. Спрашивается, на что они разсчитывали? Вѣдь земское совѣщаніе—не болѣе, какъ совѣщательный органъ. Его постановленія будутъ служить лишь матеріаломъ при обсужденіи вопроса въ Государственной Думѣ, которая, конечно, не захочетъ итти на поводу у представителей грузинской и мусульманской феодальной реакціи, не захочетъ безъ критики принимать тѣ трогательные гимны Положенію 1890 года, которые съ такимъ пафосомъ исполнялись въ Тифлисѣ.

Найдутся въ Думѣ люди, которые знаютъ цѣну этому закону,—одному изъ худшихъ произведеній эпохи реакціи, и едва ли мнѣніе Думы будетъ очень отличаться отъ мнѣнія русской печати. Вѣдь въ послѣднее время ни по одному изъ крупныхъ вопросовъ государственнаго строительства русская печать не высказывалась съ такимъ поразительнымъ единогласіемъ. Вожделѣнія грузинскихъ землевладѣльцевъ и мусульманскихъ бековъ встрѣтили самое единодушное осужденіе. Это быть можетъ самый важный фактъ, сопровождающій тифлисское совѣщаніе, и онъ придаетъ такую несокрушимую прочность позиціи представителей армянскаго народа.

Въ вопросѣ о земствѣ на Кавказѣ, вопросѣ имѣющемъ, какъ мы указывали, не только краевое, но и общегосударственное значеніе, образовалось два лагеря: въ одномъ грузинскіе и мусульманскіе феодалы, въ другомъ—армянское населеніе Кавказа и все прогрессивное общественное мнѣніе Россіи. Столпы кавказской реакціи, вѣроятно, не ожидали такого оборота дѣла: они думали, что конфликтъ будетъ протекать и разрѣшаться исключительно въ плоскости національныхъ вопросовъ, а національные вопросы, какъ принято думать, имѣютъ то свойство, что тамъ никогда нельзя рѣшить объективно, кто правъ, кто неправъ. Грузины съ мусульманами и спекулировали на то, что русское общественное мнѣніе не сумѣетъ разобраться въ существѣ національныхъ споровъ на Кавказѣ и что реакціонная интрига, выкованная въ Тифли-

сѣ, пройдетъ легко и гладко. Этотъ расчетъ теперь рушился. Русское общественное мнѣніе оказалось не столь наивно, какъ въ простотѣ своекорыстной души расчитывали кавказскіе феодалы: его трудно провести въ такихъ вопросахъ.

Остается послѣдняя надежда: на спасительный якорь всѣхъ реакціонныхъ начинаній, статью 87-ую Осн. Зак. Но и эта надежда—не изъ очень крѣпкихъ: едва ли правительство съ легкой душой рѣшится пустить въ ходъ 87-ую статью въ такомъ важномъ вопросѣ, въ вопросѣ, то или иное рѣшеніе котораго проведетъ столь глубокую бороздну и въ кавказской и въ русской жизни.

Будущее покажетъ, кто правъ въ своихъ предположеніяхъ: грузино-мусульманская феодальная коалиція или поддерживаемое русскимъ общественнымъ мнѣніемъ армянское населеніе Кавказа.

Васпураканъ. *)

(Странички изъ прошлаго Ванскаго вилайета).

Васпураканъ!.. Не только прошлаго этой, связанной неразрывными узами съ Кавказомъ, провинціи, но даже самаго слова Васпураканъ мы, русскіе, не знаемъ. У насъ въ любой библіотекѣ можно найти ряды книгъ о прошломъ провинцій Англіи, Франціи, Бельгіи. Наше юношество на полкахъ библіотекъ учебныхъ заведеній находитъ десятки томовъ вымысла изъ прошлаго Америки, Индіи, Африки. А между тѣмъ тутъ же, около нашей границы, въ нѣсколькихъ дняхъ ѣзды отъ Тифлиса лежитъ страна, гдѣ въявь разыгрываются драмы, полныя такихъ запутанныхъ, такихъ фантастическихъ подробностей, какихъ не выдумать никакимъ Хагардамъ и Стивенсонамъ.

Мы знаемъ исторію борьбы за свободу въ Италіи, нѣсколько хуже, но все же знакомы съ борьбой за свободу болгаръ и сербовъ, но что знаетъ Россія о борьбѣ за свободу Арменіи? Можно, не преувеличивая, сказать—ничего или почти ничего.. А межъ тѣмъ борьба эта развертывалась рядомъ съ Россіей. Болѣе того: на почвѣ Россіи шла подготовка къ этой борьбѣ. Россія служила для армянскихъ революціонеровъ убѣжищемъ и отчасти даже базой. Большинство армянскихъ революціонеровъ вышло изъ Россіи, въ Россію же бѣжали послѣ разгрома турецкими аскерами остатки армянскихъ хумбовъ. Интелектуальнымъ центромъ армянскаго движенія въ Турціи былъ Тифлисъ. И, несмотря на это, мы тщетно стали бы искать въ русскихъ изданіяхъ исторію этого движенія. Даже теперь, когда рядомъ съ русскими войсками въ предѣлы Турціи вступили армянскіе хумбы, когда въ рядахъ и во главѣ этихъ хумбовъ стали люди, долгіе годы ведшіе революціонную борьбу съ турецкимъ правительствомъ,—даже и теперь о прошломъ армянскихъ революціонеровъ, о томъ прошломъ, которое, выдвинуло Андраника, Вартана Кери, Армена Гаро, ставшихъ во главѣ армянскихъ хумбовъ, русская пресса почти не говоритъ.

Я не берусь писать исторію армянскаго движенія въ Турціи, не берусь даже общими чертами намѣтить это движеніе въ Васпураканѣ (Ванскій вилайетъ), гдѣ оно зародилось и дало первые ростки. Моя задача гораздо скромнѣе—я дамъ только нѣсколько картинокъ изъ его исторіи, но эти картинки покажутъ, какъ и при какихъ условіяхъ велось армянское національное движеніе.

I.

Надъ шумными водами Албекъ-су, у подножья могучихъ отроговъ Джаванъ Даге, на перепутьѣ дорогъ въ Ванъ, Башкалу, Салмастъ и Хой стоитъ монастырь св. Бартоломея. Много вѣковъ пронеслось надъ зубчатыми стѣнами обители, много слезъ и крови видали эти стѣны. Здѣсь бились когда-то армяне съ побѣдоносно идущими на западъ сельджуками, здѣсь катились на западъ же воины Тимура, здѣсь бился турокъ съ персомъ и здѣсь въ наши дни разъыгралось первое крупное сраженіе между нашими войсками, съ включенными въ нихъ хумбами Андраника, съ одной стороны, и пришедшими съ далекаго юго-запада, изъ знойныхъ долинъ Багдада и Діарбекира арабами-аскерами. И здѣсь же много лѣтъ назадъ въ тѣ дни, когда надъ Арменіей повѣяло первое дыханіе свободы, когда въ странѣ вѣкового рабства появились люди, смѣющіе не только мечтать о человѣческой жизни для армянина, но и отстаивать эту жизнь съ оружіемъ въ рукахъ, въ эти дни у подножья сѣрыхъ стѣнъ обители св. Бартоломея сложили головы многія сотни арменокановъ, жаркой кровью запла-

*) Редакція оставляетъ за собою право по-другому освятить нѣкоторые изъ фактовъ, приведенные въ статьѣ г-на Сибирскаго.

тившихъ за горячую любовь къ родному краю, за довѣріе къ слову турецкаго правительства.

Арменоканы! Теперь не только въ Россіи, не только здѣсь на Кавказѣ, а даже въ глубинѣ Васпуракана, въ Ванѣ, исчезло самое воспоминаніе объ этой партіи, а было время, когда она была сильна и многочисленна. Было это въ первую половину 90-хъ годовъ прошлаго вѣка. Въ Арменіи и особенно въ Ванѣ періодически шла рѣзня. Правительство Гамида «уменьшало» количество христіанской райи, хоть и безотвѣтной, но страшной уже одной своей многочисленностью. Рѣзали спокойно, систематически. 6—7 пѣшихъ, 2—3 верховыхъ курда направлялись въ «подлежащую» рѣзнѣ деревню, населеніе въ буквальномъ смыслѣ слова какъ барановъ сгоняли на площадь (для этого и брались верховые) и рѣзали, рѣзали пока не устанутъ руки, пока не истощатся жертвы...

Въ это время, т. е. не въ это, а, собственно говоря, нѣсколько ранѣе, зародились группы людей, выросшихъ потомъ въ партіи «гнчакистовъ», «дашнакцютюнъ» и «арменокановъ». Гнчакисты—армянскіе с.-д.—никогда не были многочисленны въ Васпураканѣ. Не было у нихъ подъ ногами почвы. Въ Арменіи не только тогда, но даже и теперь нѣтъ индустріальнаго пролетаріата, такъ какъ нѣтъ того, что вызываетъ къ жизни этотъ пролетаріатъ. Это была и есть страна чисто земледѣльческая, и потому понятно, что только съ громадными натяжками можно было къ этой стонущей подъ политическимъ и религіознымъ игомъ странѣ приспособить программы и идеологію, выработанныя на почвѣ классовой борьбы европейскаго пролетаріата съ буржуазіей.

Но зато на чисто противоположной точкѣ зрѣнія стояли арменоканы. Это были либералы чистой воды, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Мечтатели, вѣрящіе въ торжество слова и права, думающіе мирнымъ путемъ — путемъ развитія культуры и самосознанія райи-армянина добиться для него правъ. Это былъ какой-то анахронизмъ, воплощенная нелѣпость, но нелѣпость, вытекающая изъ слѣпой вѣры въ силу человѣческаго духа, въ его мощь. Понятно, что арменоканы рѣзко расходились съ дашнакцаканами—насколько послѣдніе были партіей боевой, настолько первые были партіей мирной, ставящей на первое мѣсто чисто культурную работу. Но таковы уже были условія жизни въ турецкой Арменіи, что даже эти мирные люди должны были кромѣ культурнической дѣятельности заниматься вмѣстѣ съ дашнакцаканами доставкой оружія и организаціей хумбовъ.

Это, конечно, не значитъ, что дашнакцаканы чуждались культурнической дѣятельности. Нѣтъ, эту дѣятельность они ставили не ниже, чѣмъ арменоканы, но они вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливо сознавали, что воспитать изъ раба гражданина, можно только воздѣйствуя одновременно и на его разумъ и на его волю. Нужно одновременно раскрыть передъ подавленной «райей» картины жизни свободныхъ гражданъ и воспитать въ этой райѣ могучее желаніе этой жизни и не менѣе могучую волю для борьбы за эту жизнь. И вотъ одновременно съ пропагандой, съ распространеніемъ книжекъ Раффи и брошюръ изъ исторіи болгарской революціи шла доставка оружія и организація хумбовъ, которые должны были давать отпоръ курдамъ и примѣромъ учить райю борьбѣ съ турецкимъ гнетомъ. Изъ этой школы вышли тѣ хумбапеты, пѣсни о которыхъ поютъ на турецкомъ, курдскомъ и армянскомъ языкахъ.

Самое трудное было не людей найти, а вооружить ихъ. Съ тысячами предосторожностей везлось изъ Россіи оружіе въ Баку или Тифлисъ, оттуда въ персидскій Салмастъ, далѣе мечтать о перевозкѣ не приходилось—ружья переносили. Хумбъ изъ 15—20 человѣкъ бралъ 20—30 ружей, тысячи патроновъ, связки книжекъ Раффи (Джалалъ-Эдина, Хентъ, Самуэля), брошюры изъ исторіи болгарской революціи, запасъ продовольствія и направлялся въ далекій опасный путь. Ночами, по горнымъ дебрямъ и ущельямъ, какъ дикіе звѣри хоронясь отъ взора людского, съ двумя ружьями за плечами, съ перехваченной крестъ на крестъ двумя патронташами грудью, съ кинжаломъ и револьверомъ у пояса, съ книгами и брошюрами, съ скуднымъ запасомъ продовольствія въ сумкѣ, по-волчьи, отъ убѣжища къ убѣжищу прокрадывались эти люди. Не разъ и не одинъ хумбъ открывали турецкіе заптіи, разъѣзды кавалеріи гамидіе или просто курдъ добровольцъ-сыщикъ. Какъ стаи гончихъ бросались тогда гамидійцы и аскеры по слѣдамъ зинворовъ. Въ дебряхъ Васпуракана, среди зеленыхъ, уходящихъ въ высь горныхъ вершинъ, вакипалъ горячій бой. Зинворы бились за ружье, за брошюры Раффи и за жизнь, и въ результатѣ почти каждое пронесенное въ Ванъ ружье стоило жизни.

Оружіе пронесено... Его нужно сохранить до поры, до времени. И вотъ десятки и сотни ружей, многія тысячи патроновъ безслѣдно исчезаютъ въ тайникахъ домовъ. Въ глубинѣ «города садовъ», подъ древними армянскими домами Вана, цѣлый лабиринтъ тайниковъ. Правительство могло разрушить до основанія домъ, обыскать всѣ уголки усадьбы и не найти цѣлаго склада оружія, спрятаннаго именно въ этой усадьбѣ. Были даже тайники, въ которыхъ могли спрятаться нѣсколько человѣкъ. Оружіе спрятано... Нужно идти за новымъ, и вотъ изъ партіи въ 15—20 человѣкъ половина идетъ назадъ

безоружными. Опять, зорко оглядываясь по сторонамъ, крадутся ночами зинворы, на этотъ разъ уже не на западъ, а на востокъ. Вѣчная тревога, полуголодная жизнь, питаніе исключительно въ сухомятку армянскимъ «колобкомъ» (хлѣбъ съ запеченной внутри смѣсью муки, смѣшанной съ масломъ и яйцомъ), который, какъ питательную и не тяжелую въ прямомъ, а нэ въ переносномъ смыслѣ слова, пищу спеціально готовили армянскія женщины передъ выступленіемъ въ походъ зинворовъ. Прошло нѣсколько недѣль, и зинворы снова идутъ въ Васпураканъ съ двойнымъ числомъ ружей и револьверовъ, съ запасомъ патроновъ и новыми пачками книжекъ и брошюръ.

А вмѣстѣ съ транспортомъ оружія и книгъ шла другая сторона дѣятельности: пропаганда въ армянской деревнѣ, вербовка зинворовъ, созданіе организаціи, обученіе обращенію съ оружіемъ хумбовъ. Не только пропаганда необходимости самообороны при рѣзнѣ, но и организація этой обороны, активное выступленіе хумбовъ на защиту затерянныхъ въ горахъ армянскихъ деревень отъ ножа творившихъ волю Гамида дикихъ курдовъ. И этотъ активный примѣръ, пожалуй, болѣе успѣшно, чѣмъ словесная пропаганда, творилъ дѣло превращенія запуганнаго, загнаннаго, безотвѣтнаго райи-армянина въ гражданина, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивающаго свою жизнь и честь.

Результаты сказывались... Правда, это были только первые, робкіе ростки, но турецкое правительство забезпокоилось, оно почуяло, что изъ нѣдръ народа растетъ грозный врагъ. Пусть онъ еще ребенокъ, но онъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и если не положить предѣлъ его росту, то настанетъ день, когда вся армянская райя превратится въ гражданъ. И вотъ, чтобы положить предѣлъ его росту, усилили погромы. Въ отвѣтъ усилилась дѣтяельность дашнакатцюнъ. Настроеніе съ каждымъ днемъ становилось напряженнѣе. Правительство готовилось къ массовой рѣзнѣ, готовилось въ волнахъ крови потопить первые робкіе ростки революціи. Революціонеры въ отвѣтъ на рѣзню готовили возстаніе...

Кризисъ насталъ много раньше, чѣмъ закончились приготовленія революціонеровъ. Было это въ 1896 г. Ванъ замеръ въ тревогѣ... Въ турецкой Арменіи нѣтъ спокойной жизни, рѣзня можетъ прійти каждую минуту, но здѣсь готовилось что-то ужасное, изъ ряду вонъ выходящее даже въ этой странѣ кровавыхъ сюрпризовъ. Въ Ванъ, со спеціальной цѣлью раздавить армянъ, прибылъ любимецъ Абдулъ Гамида — Сагадетинъ-паша. Въ мрачныхъ потемнѣвшихъ отъ времени стѣнахъ нависшей надъ волнами Ванскаго озера, покрытой таинственными письменами народа Урарту, цитадели кипѣла лихорадочная дѣятельность—сосредоточивали войска гамидійцевъ, вербовали кадры шпіоновъ. Въ садахъ дрожало за жизнь мирное населеніе. Лихорадочно готовились къ энергичному отпору зинворы. Сагадетинъ сумѣлъ выбрать моментъ. Большинство опытныхъ боевыхъ зинворовъ дашнакцютюнъ ушло для пропаганды въ провинцію или отправилось въ Персію за оружіемъ. Осталась горсть дашнакцютюнъ и гнчакистовъ, да сотни плохо вооруженныхъ не боевыхъ арменокановъ. Въ этотъ моментъ, когда на городъ надвинулись грозныя тучи, дашнакцаканы офиціально предложили арменоканамъ и гнчакистамъ забыть старые счеты и объединиться хоть на время. Послѣдовалъ отказъ. Армленоканы, съ одной стороны, надѣясь на свою многочисленность, не особенно боялись рѣзни, съ другой—не хотѣли вѣрить въ нее. Черезъ нѣсколько дней, когда смерть заглянула въ лицо зинворамъ, гнчакисты отбросили старые счеты, махнули рукой на партійныя разногласія и дружно пошли рука объ руку съ дашнакцаканами, арменокане же до конца остались одиноки.

Межъ тѣмъ пока шли переговоры, пока зинворы готовились къ отпору, готовился и Сагадетинъ. Онъ зналъ, что городъ полонъ фидаевъ, что что-то готовится, но что готовится и когда свершится этого не зналъ и не могъ знать не только Сагадетинъ-паша, но и никто изъ своры его шпіоновъ и приспѣшниковъ. Къ чести армянъ среди нихъ не оказалось предателей. Среди сотенъ и тысячъ армянъ, охваченныхъ движеніемъ, не оказалось ни одного провокатора: объ этомъ говорятъ неудавшіеся обыски. Правительство бродило въ потемкахъ. Каждый день, возвращаясь изъ безрезультатной экспедиціи обысковъ, во время которой обшаривались всѣ закоулки подозрительныхъ домовъ, мудиры, трепеща и прикладывая руку ко лбу и сердцу, кланяясь чуть не до земли, докладывали временщику все ту же стереотипную фразу «опять ничего не нашли».

Все мрачнѣе становился любимецъ Гамида. Миссія раздавить революціонеровъ грозила неудасться, межъ тѣмъ онъ твердо зналъ, что революціонеры здѣсь, около. Наконецъ, онъ рѣшился. Не знаю, помнилъ ли Сагадетинъ знаменитый приказъ папскаго легата Арно, воскликнувшаго при взятіи Безье: «Бей всѣхъ, Господь отличитъ невинныхъ», но только онъ рѣшился прибѣгнуть къ той же героической мѣрѣ.

«Если нельзя истребить однихъ революціонеровъ, то можно вырѣзать все населеніе Вана, а тамъ Аллахъ разберетъ—кто былъ революціонеромъ, а кто просто райей».

Рѣшено — сдѣлано. Ночью къ дому армянина подкинули окровавленный трупъ убитаго агентами Сагадетина турка. Населе-

ніе поняло: часъ насталъ... Замкнулись дома, забаррикадировались двери и ворота, наглухо закрылись ставни. Дома превратились въ цитадели. Городъ замеръ въ мрачномъ молчаніи. Съ утра правительство дало сигналъ къ рѣзнѣ. Сагадетинъ, окруженный иностранными консулами (только одинъ русскій консулъ отстутствовалъ), готовился торжествовать. Но расчетъ не удался. Свершилось чудо.. Искони покорно подставлявшее шею подъ ножъ палача, населеніе на этотъ разъ дало грозный отпоръ. Турки и курды наткнулись на сотни революціонеровъ. Городъ садовъ, надъ лазурными водами Вана, окутался пороховымъ дымомъ. Защелкали, затрещали, отдаваясь эхомъ въ Варакскихъ горахъ, ружейные выстрѣлы. Семь дней длился горячій бой. Семь дней звучали надъ водами Вана боевые кличи зинворовъ и дикій вой полчищъ курдовъ и аскеровъ. Зинворы били изъ оконъ и щелей стѣнъ навѣрняка. Армія Сагадетина не могла сломить ихъ сопротивленія. На седьмой день Сагадетинъ, отчаявшись въ возможности сломить революціонеровъ, рѣшилъ прибѣгнуть къ дьявольской, чисто восточной, уловкѣ. Если нѣтъ силъ сломить зинворовъ оружіемъ, то нужно ударить по ихъ сердцамъ, пригрозить убійствомъ мирнаго населенія.

Артиллерія занимаетъ командующія надъ «городомъ садовъ» высоты. Гремятъ первые выстрѣлы, рушатся дома. Затѣмъ бомбардировка прекращается. Сагадетинъ черезъ посредство европейскихъ консуловъ предлагаетъ революціонерамъ почетную капитуляцію — выходъ съ оружіемъ въ рукахъ изъ города и свободный пропускъ въ Персію. Въ противномъ случаѣ, передаютъ консулы его угрозу, войска выйдутъ изъ города, и артиллерія превратитъ его въ груду развалинъ.

Расчетъ удался—тѣ, кто не боялся турецкаго штыка и пули, испугались угрозы убійства многихъ тысячъ мирныхъ гражданъ. Армяне лучше, чѣмъ кто другой, на собственномъ опытѣ знали, что турецкое правительство не постѣсняется для уничтоженія нѣсколькихъ сотъ революціонеровъ сравнять съ землею древній цвѣтущій городъ. Предложеніе было принято. Революціонеры сдались на капитуляцію, условія которой были переданы имъ черезъ посредство консуловъ и на которыхъ такимъ образомъ падала часть моральной отвѣтственности за выполненіе ея условій.

Изъ города на скалистую, одѣтую пышной зеленью, Варакскую гору ушло до 1,500 революціонеровъ. Ушла вся цвѣтущая молодежь Вана, среди 800 арменокановъ здѣсь были представители наиболѣе богатыхъ, наиболѣе уважаемыхъ семей армянской столицы. Бодро, весело вышли революціонеры изъ города: позади не только первое большое сраженіе, но и первая моральная побѣда надъ турецкимъ правительствомъ. Уже одно то, что Сагадетинъ принужденъ былъ вступить въ переговоры съ армянскими революціонерами, что онъ черезъ посредство консуловъ предлагалъ имъ условія очищенія города, было крупной побѣдой. Пусть городъ очищенъ, но самый фактъ переговоровъ показывалъ, что турецкое правительство считаетъ революціонеровъ за крупную силу. Это, въ связи съ тѣмъ, что Ванъ избѣжалъ погрома, а впереди—свободная дорога въ Персію, подымало настроеніе молодежи, дѣлало ея выступленіе изъ Вана веселымъ праздникомъ. Правда, не всѣ вѣрили свободному пути, не всѣ вѣрили тому, что городъ избѣжитъ погрома.

Хмурый Восгенъ, закаленный въ стычкахъ съ аскерами и курдами вождь дашнакцакановъ, категорически заявилъ: Я городъ не оставлю. Сагадетинъ лжетъ. Слово, данное въ присутствіи консуловъ, для него звукъ пустой. Ванъ ждетъ рѣзня; вышедшихъ изъ города революціонеровъ — аскеры и курды».

Восгенъ остался въ городѣ, и армянскій боевикъ оказался глубоко правъ. Не успѣли зинворы скрыться въ отрогахъ скалистыхъ Варакскихъ горъ, не успѣла стѣна аскеровъ и гамидійцевъ обложить со всѣхъ сторонъ городъ, закрывъ зинворамъ обратный путь въ городъ, какъ надъ городомъ садовъ поднялись густые столбы дыма. Аскеры и курды, съ благословенія Сагадетина, на глазахъ консуловъ, рѣзали, насиловали, жгли, грабили...

И немедленно же гонцы и телеграммы понесли въ провинцію категорическіе приказы Сагадетина: «Изъ Вана идутъ революціонеры, задержать, истребить, во чтобы то ни стало». На дорогу бросили полки аскеровъ, гамидійцевъ, полчища курдовъ. Но пока зинворы стояли на Варакской горѣ, въ виду Вана, ихъ не трогали. Хотѣлъ ли Сагадетинъ соблюсти хоть нѣкоторый декорумъ точнаго исполненія условій капитуляціи, не были ли мобилизованы силы, боялся ли атаковать зинворовъ среди Варакскихъ горъ, но фактъ тотъ, что зинворы нѣсколько дней стояли въ виду Вана на Варакскихъ горахъ и никто ихъ не трогалъ.

Журчатъ ручьи, потонули въ ароматной зелени черныя скалы, внизу сіяютъ ночами въ тѣни садовъ огни Вана, чернѣютъ на скалѣ стѣны древней цитадели, рокочутъ и плещутъ вѣчно шумныя безпокойныя воды озера, а тамъ за лазурью водъ, гдѣ-то далеко, далеко на горизонтѣ вздымаются къ небу массивы Нимруда... Хорошо! Чудныя горы, прекрасный край... Но революціонерамъ было не до красотъ природы. Впереди длинный утомительный походъ въ Персію; позади погромъ Вана, гдѣ осталось все близкое и дорогое. Нѣсколько сотъ человѣкъ рѣшило вернуться

въ Ванъ. По одному, тайкомъ, мимо турецкихъ постовъ пробрались они въ городъ и окрестныя деревни. Большая часть рѣшила направиться въ Персію. Но даже здѣсь подъ кинжаломъ курда, въ буквальномъ смыслѣ слова на волосъ отъ смерти, не сгладилась партійная рознь. Даже теперь, передъ выступленіемъ въ тяжелый рискованный походъ, армеконаны не захотѣли подать руку примиренія своимъ партійнымъ противникамъ. Угрюмый Аветосьянъ повелъ своихъ 8 сотенъ арменокановъ, не предупредивъ ни дашнакцакановъ, ни гнчакистовъ.

Выступили ночью, шли тайкомъ, старались скрыть движеніе отъ турокъ и курдовъ. Правда, имъ данъ былъ свободный пропускъ, но даже арменокане такъ мало вѣрили въ этотъ пропускъ, что предпочитали идти, крадучись какъ звѣри, чѣмъ полагаться на слово Сагадетина. Даже эти мирные люди, настаивающіе на исключительно культурнической дѣятельности болѣе вѣрили своимъ винтовкамъ, чѣмъ торжественно, черезъ посредство консуловъ переданному имъ обѣщанію Сагадетина-паши. Къ несчастью, винтовокъ было не такъ много, какъ людей. Арменокане, какъ уже говорилось, никогда не были боевой партіей. Только горькая неволя заставила ихъ въ черные дни погромовъ взяться за оружіе, и этого оружія было далеко не достаточно, да и тѣмъ, которое бы-Только часть жизнерадостной, глубоко мирной по своимъ устремленіямъ, молодежи была вооружена винтовками съ недостаточнымъ для предстоящаго похода количествомъ патроновъ, у остальныхъ были револьверы и кинжалы, у части только кинжалы. Несмотря на то, они вѣрили въ счастливый исходъ похода. Гордый многочисленностью отряда (до сихъ поръ армянскіе хумбы не превышали 14—25, много—30 человѣкъ) увѣренный, что никто и ничто не сможетъ его остановить, Аветосьянъ повелъ своихъ къ Чуха-Гядукскому перевалу. Весело, самоувѣренно шли ночами на востокъ толпы арменокановъ. Было мало организаціи, мало хлѣба, иногда, вопреки осторожности, было даже шумно. Такъ и должно было быть. Вѣдь самъ Аветосьянъ былъ больше интеллигентъ организаторъ, пропагандистъ и идеологъ мирной партіи, чѣмъ боевой вождь. Все это сказывалось въ походѣ. Но сами арменоканы, за исключеніемъ можетъ быть одного Аветосьяна, не замѣчали дефектовъ и весело шли впередъ. Задумчивый и хмурый, пронизывая ночь пытливымъ взглядомъ черныхъ очей, велъ къ персидской границѣ своихъ зинворовъ Аветосьянъ. Теплыя южныя ночи въ долинахъ, бодрящій холодъ на перевалахъ, иссиня черное, усыпанное миріадами звѣздъ, небо и вокругъ далеко-далеко тишина. Только слышно, какъ брякнетъ ружье у зинвора, да раздастся взрывъ смѣха или тихо затянутъ боевую пѣсню фидаевъ... Днемъ привалъ гдѣ-нибудь въ крутомъ оврагѣ, въ недоступномъ ущельѣ, на вершинѣ скалистой горы, куда забѣгаетъ лишь дикій звѣрь...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Ф. Сибирскій.

ШАХЪ АЗИСЪ.

Какъ зрѣлая пшеница, чище всѣхъ,
Ты здѣсь чистилище, ты—ѳиміамъ,
И будь душѣ твоей невѣдомъ грѣхъ,—
Была бы ты единственный мой храмъ.

* * *

Вонъ въ тиховойномъ вѣтрѣ слышу я
Твой сладостный и нѣжный ароматъ,
И только струи быстраго ручья,
Какъ голосъ твой плѣнительно звенятъ.

* * *

Когда же плавно движутся кусты,
Я вспоминаю трепетъ милыхъ ногъ,
Тебя, клонясь, привѣтствуютъ цвѣты
И шепчутъ радостно тебѣ: „Ты — Богъ!"

* * *

Ты — тихая звѣзда и ты — луна,
Ты — радость свѣтлая, ты — ужасъ мукъ,
Ты — ясный день, ты — ночи глубина,
Ты — жизни грустной вѣрный, добрый другъ!

Е. Сырейщикова.

ИЗЪ ИСААКІАНА.

Долина крови! Долина Сално!
Съ кровавой раной гайдукъ тамъ лежитъ.
Что роза, рана отъ пули шальной
Руками сжата, ружье не дрожитъ.

Звенитъ въ долинѣ сверчокъ то и знай.
Гайдукъ глубокимъ сномъ смерти объятъ.
Въ душѣ онъ видитъ: Арменія рай
Свободна, тѣшитъ бездомника взглядъ.

И видитъ: поле, покосъ золотой,
Коса сверкаетъ, рѣзвѣй вѣтерка,
Проходятъ дѣвы веселой гурьбой,
О славной смерти поютъ гайдука.

Сходились тучи въ долинѣ Сално.
Ахъ, злой надъ тѣломъ орелъ ужъ кружитъ,
Гайдучьи очи клюетъ какъ зерно.
А тучи плачутъ, что славный убитъ.

Андрей Глоба.

Изъ Іоаннисіана.

Бѣжитъ Аразъ, кипя волной,
Уступы скалъ дробя волной.
Куда мнѣ горе сбыть мое,
Что бьетъ меня, слѣпя волной?

Аразъ, ты воднѣе морей,
Не видѣлъ милой ты моей?
Не напоить мечтой тоски —
Водой, Аразъ, своей залей.

Мерцаетъ въ тучахъ Араратъ.
Что часъ—тоска сильнѣй въ стократъ.
Я буду ждать—хоть черезъ годъ
Отвѣтъ мнѣ дай Аразъ, мой братъ.

Пишу письмо ночной порой
И слезы лью на грудь рѣкой.
Но лишь заря, я вновь, Аразъ,
Предстану съ горемъ предъ тобой.

Какъ падаетъ на камень лучъ,
На сердце палъ огонь горючъ.
Свалилось горе въ душу мнѣ
Съ очей тѣхъ—звѣздъ, съ бровей тѣхъ—тучъ.

Бѣжитъ Аразъ, кипя волной,
Уступы скалъ дробя волной.
Куда мнѣ горе сбыть мое,
Что бьетъ меня, слѣпя, волной?

Снѣгъ засыпалъ всѣ пути.
Ни проѣхать ни пройти.
Ахъ, раздайся, Алагязъ,
Къ милой, къ милой пропусти.

Путь мой тяжекъ, каменистъ.
Сердце сохнетъ словно листъ.
Я безъ милой на землѣ
Чужестранецъ, день мой мглистъ.

Видѣлъ милую: безъ сна
Только плакала одна.
Дай дорогу, Алагязъ, —
Не идетъ ли тамъ она?

Что за птица—вонъ, на пнѣ?
Сердце точитъ кровь въ огнѣ.
Черезъ горы бъ полетѣлъ
Къ милой если бъ крылья мнѣ.

Андрей Глоба.

Ужасъ („Сарсапъ").

Разсказъ Левона Григорянца.

1.

...Огонь бушевалъ. Красные языки всепожирающаго пламени, плавно извиваясь, тянулись къ небу. Небо же, въ алый саванъ затянувшись, молча, какъ всегда, демонически равнодушно и безстрастно будто улыбалось. Кругомъ все подернулось багрово-мутной пеленой...

...Опять курды—турки подожгли армянскую деревню... Вся она опять была во власти разрушенія. Опять все устремилось къ спасенію, и старъ, и младъ длинной вереницей потянулись изъ пылающаго села. Чтобы жизнь и душу спасти, шли, бѣжали они...

— Куда?...

...Лишь онъ одинъ стоялъ молча посреди горящей деревни.

Глаза, полные тупого отчаянія, неподвижно смотрѣли вверхъ.

— О, терпѣливъ и не мстителенъ армянинъ! Но до какихъ же поръ!?

Почти беззвучно, задыхаясь, произнесъ онъ и бросился къ избѣ. Раскаленные щупальцы огня еще не доползли до нея. Тамъ была Назикъ—его жизнь, его счастье.

Ея потухшія было черныя очи вновь озарились свѣтомъ радости и надежды, вновь заиграла жизнь на ея мертвенно блѣдныхъ щекахъ.

— Ты одна, Назикъ?

— Одна,—прошептала она, и крупныя слезы заблестѣли на лицѣ Назикъ.

2.

Юноша, точно размышляя, какъ лучше встрѣтить надвигающуюся грозу, остановился на мигъ. Недавнее съ быстротою молніи пронеслось предъ его глазами; раскаленнымъ желѣзомъ оно пронизало его мозгъ. Вспомнилъ, какъ ту же избу пожиралъ огонь, какъ едва удалось ему вынести и спасти изъ нея полуживую Назикъ. Вновь возстали предъ нимъ тѣ проклятые дни, дни поджоговъ, погромовъ, насилій; тѣ моря слезъ, что орошали и раны, и родныя пепелища...

Только было оправилась деревня, едва успѣли залѣчить ноющія раны... И что же?... Опять злой рокъ, не знающій ни жалости, ни состраданія, послалъ старое испытаніе. Опять поджоги, опять кровь, снова разореніе и снова море слезъ.,

— Довольно! Терпѣть? но, доколь?!.

Месть! Отмщеніемъ нынѣ жить я буду!

Крѣпко обнялъ онъ Назикъ, свое солныш-

ко, поцѣловалъ ея черныя, какъ очи, кудри и, воспламененный весь жаждой мести, выбѣжалъ на улицу.

Деревня была пуста. Разсвирѣпѣвшее пламя, какъ змѣйка, огненной лентой извиваясь, медленно и шипя двигалось впередъ, безпощадно уничтожало, стирало все на своемъ пути, захватывая и поглощая все новыя и новыя избы и оставляя за собой одну лишь черную полосу.

Заптіями предводимые курды и турки съ кровью налитыми глазами, точно звѣри, чующіе сладкую добычу, врывались въ деревню.

Бой предстоялъ неравный...

Быстро вспомнилъ онъ свою Назикъ и, предчувствуя, что она, его жизнь, его святыня одна въ избѣ и должна будетъ стать жертвой ненавистныхъ насильниковъ.. Все существо его содрогнулось..

Мгновенно вернулся онъ въ избу, молча обнялъ Назикъ, взглянулъ въ послѣдній разъ въ ея черные, грустью полные очи, прижалъ ее къ груди, выхватилъ ножъ, и... подкошенная, упала Назикъ..

На порогѣ уже толпились они...

— Не отдамъ я вамъ мою Назикъ, собаки! —крикнулъ онъ. Однимъ прыжкомъ стоялъ онъ уже предъ лицомъ заптія. Высоко взметнулъ окровавленнымъ ножемъ и въ мгновеніе ока вонзилъ его въ грудь насильнику, павъ въ неравной борьбѣ.

Пер. **Ар. Оганесянъ.**

ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЙ.

Офиціальное сообщеніе отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

ЗА НЕДѢЛЮ.

3-го мая.

На Діарбекирскомъ направленіи нашимъ огнемъ прекращена наступательная попытка турокъ.

На Мосульскомъ направленіи наше продвиженіе впередъ продолжается.

4-го мая.

На Діарбекирскомъ направленіи наступленіе турокъ нами отбито.

5-го мая.

На Діарбекирскомъ направленіи столкновенія передовыхъ частей.

6-го мая.

На всемъ фронтѣ мелкія стычки передовыхъ частей.

7-го мая.

Въ Персіи наши войска, занявъ г. Саккызъ, продвинулись къ сел. Бана.

8-го мая.

На Мосульскомъ направленіи наши части продолжали продвигаться впередъ.

9-го мая.

На Діарбекирскомъ направленіи столкновенія передовыхъ частей.

ТУРЦІЯ И АРМЯНЕ.

ХНЫСЪ.

Послѣ паденія Хныса наши воины спасли армянъ, бѣжавшихъ въ горы и ущелья отъ жестокихъ турецкихъ чэтъ отъ кровопійцевъ курдовъ. Послѣ занятія этой провинціи былъ положенъ конецъ страданіямъ бѣженцевъ. Ихъ жизнь тамъ была ужасна, въ теченіе 8-ми мѣсяцевъ, начиная съ іюля 1915 г., они жили на открытомъ воздухѣ, подверженные жарѣ и холоду, дождю, снѣгу и граду, и преслѣдовались со стороны турецкихъ аскеровъ и курдскихъ шаекъ.

Сколько страдали армянэ - мужчины въ ущельяхъ и лѣсахъ,—отъ холодныхъ вѣтровъ, голода и преслѣдованій, столько же перенесли мукъ похищенныя армянскія женщины, дѣвушки и дѣти подъ кровомъ турецкихъ и курдскихъ «ага». Эти звѣрскіе фанатики мало того, что ихъ похитили, заставляли ихъ работать, но и принудили ихъ измѣнить свою вѣру.

Группа въ 500 человѣкъ, освобожденная въ мартѣ прибыла въ Игдырь. Одна женщина изъ этой группы на-дняхъ выѣхала изъ Александрополя въ Карсъ. Вотъ что разсказала эта двадцатилѣтняя женщина.

Когда въ прошломъ (1915) году чэты выселили населеніе изъ деревень хныскаго района, угнали ихъ скотъ, ограбили ихъ имущество, то всѣхъ мужчинъ, какъ стадо, также угнали. Наиболѣе ловкіе, храбрые спаслись, а остальные были вырѣзаны или потоплены въ рѣкѣ. Пусть заговорятъ рыбы Аракса, въ рѣкѣ. Пусть заговорятъ рыбы Аракса о страданіяхъ армянъ! Жены теряли мужей, дѣвушки—отцовъ и братьэвъ невѣста—жениха; горе охватило всю Арменію.

Послѣ истребленія мужчинъ, очередь дошла до насъ. Женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей заключили въ сараи. Съ этого и начались наши страданія. Они отдѣлили мать отъ дочери, невѣстку отъ свекрови, сестру отъ сестры и увезли ихъ въ разныя стороны, каждой завладѣлъ какой-нибудь ага или бекъ,

Мы изъ деревни Хозлу. Изъ Хозлу было только 30 женщинъ въ Хнысѣ, каждая изъ нихъ попала въ руки одного звѣря. Наши дѣти обоего пола также находились у этихъ звѣрей, ихъ, вынужденныхъ принять исламъ, они эксплуатировали.

Меня похитилъ сынъ Шейха-Шарифа — Мусе. Онъ имѣлъ 4 женъ и 9 наложницъ, я была 14-ая. Мое положеніе въ его домѣ было ужасно; всѣ съ утра до вечера меня упрекали, называли «гяуръ», проклинали меня, все это поражало самое мое сердце.

Я не только служила въ гаремѣ Мусе, но еще должна была доить овецъ. У Мусе было и 5 похищенныхъ армянскихъ дѣтей, которыя пасли ягнятъ. Я не могу спокойно вспоминать ихъ обращеніе съ этими 5—6 лѣтними дѣтьми. Босыя, голыя, эти дѣти гнали стадо два раза въ день къ подножью горы пасти. Этимъ дѣтямъ жалѣли давать отбросы, которые бросались собакамъ. Они уже начали говорить по-курдски.

Мнѣ изрядно доставалось отъ курдянокъ, когда я осмѣливалась давать дѣтямъ кусокъ хлѣба, молоко, масло и т. д.

Въ Хнысской крѣпости по меньшей мѣрѣ было 600—700 такихъ женщинъ, какъ я, и больше 2,000 дѣтей, которыхъ согнали сюда изъ сосѣднихъ армянскихъ деревень.

Армянки не могли повидаться другъ съ другомъ, только у родниковъ, откуда онѣ носили воду для курдовъ, онѣ имѣли возможность нѣсколькими словами обмѣниваться о своемъ горѣ. Какъ дома, такъ и внѣ его самое наше существованіе зависѣло отъ произвола наблюдателей. Многія изъ насъ были убиты...

Всѣхъ насъ заставили перейтти въ мусульманство, намъ было разрѣшено говорить только на курдскомъ языкѣ. Каждый день къ намъ ходилъ мулла, чтобы учить насъ намазу. Горе тому, кто не подчинялся ему. Мы не имѣли права до совершенія обряда омовенія и намаза (молитвы) подходить къ столу церъ (старшихъ женъ курда), или дотрагиваться до кушаній.

Въ когтяхъ курдовъ мы не пользовались правами не только женъ, но и наложницъ; удовлетворивъ свою похоть, они заставляли насъ, какъ скотину, работать съ ранняго утра до поздняго вечера.

За лѣтней жарой послѣдовали осенніе вѣтры и зимняя стужа, но мы продолжали страдать. Армянки все еще должны были подметать дворъ, сарай, хлѣвъ, кормить скотъ, носить воду. Работа по доенію коровъ уменьшилась. Но намъ дали шерсти и веретена, и мы должны были вязать носки, шали и ковры для домашняго хозяйства. И эту работу мы исполняли ночью, при тускломъ свѣтѣ лучины. Наше положеніе усугублялось тѣмъ, что насъ церы заставляли чуть ли не ежедневно ругать наши святыни. Палачи съ кнутами въ рукахъ заставляли насъ осуждать все то святое которое въ теченіе вѣковъ срослось съ нашей душой. Мы это исполняли, не имѣя другого выхода, но все болѣе и болѣе возмущалась наша душа противъ нашихъ палачей, которымъ мы хотѣли отомстить какимъ бы то средствомъ ни было.

Настала суровая зима, мы стали все больше и больше надѣяться. Мы слышали, какъ курды въ отчаяніи собирались на совѣщанія, получая извѣстія о занятіи русскими разныхъ округовъ и объ ихъ приближеніи къ ихъ району. Какъ они ни старались скрыть свое отчаяніе отъ насъ, но это имъ не удалось.

Но послѣ окруженія Эрзерума и съ паденіемъ Хныса курды бѣжали на югъ. Они прежде всего уводили съ собой дѣтей армянъ и свои стада. Но многіе уже опоздали, а потому они принуждены были остаться на своихъ мѣстахъ.

Послѣ того, какъ курды Хнысскаго района были покорены, мы обратились къ русскимъ офицерамъ съ просьбой освободить насъ. Около 500 женщинъ и дѣтей было освобождено, но еще многія ожидали освобожденія. Многія изъ дѣтей совсѣмъ не понимали, что творится вокругъ нихъ. Много женщинъ было уведено, а другія не осмѣливались заявлять о своемъ мѣстопребываніи.

Наши мужья были вырѣзаны, спасшіеся остались въ горахъ и ущельяхъ, гдѣ они, вѣроятно сдѣлались жертвой звѣрей и холода. Очень немногія имѣли счастье найтти своихъ мужей, часть которыхъ бѣжала на Кавказъ. Я восемь мѣсяцевъ оплакивала гибель своего мужа, но судьба рѣшила иначе, я нашла его живымъ и здоровымъ.

Но очень много такихъ, въ особенности дѣтей, которые покорно продолжаютъ служить въ сараяхъ курдовъ.—Вотъ, что разсказала мнѣ спасшаяся изъ когтей курдовъ армянка.

Для спасенія тѣхъ несчастныхъ, которыя еще находятся въ ихъ рукахъ, необходимо немедленно открыть пріюты въ Эрзерумѣ, Мушѣ, Битлисѣ и Ванѣ.

На основаніи разсказа Джавара Аликянъ можно предвидѣть, что ожидаетъ оставшихся въ рукахъ курдовъ. Неужели невозможно освободить невинныхъ дѣтей изъ плѣна и оказать имъ помощь. Теперь не время словъ, необходимо немедленно перейтти къ дѣлу.

Солдаты, казаки, офицеры спасали всѣхъ тѣхъ, которые имѣли мужество къ нимъ обратиться, наша инициатива должна проявиться по отношенію къ тѣмъ, которые устрашены. Мы убѣждены, что армянскіе дѣятели въ столицахъ приложатъ старанія къ отысканію дѣтей, которыя должны занять мѣста отцовъ.

Атрпетъ.

Трагедія Танцота.

8-го ноября 1914 года огромная тысячная толпа бѣженцевъ изъ села Танцотъ двигалась по направленію къ Арданучу. Наши войска за нѣсколько дней передъ тѣмъ отступили.

Трудно понять весь ужасъ этого положенія. Цѣлыхъ два дня они были въ нерѣшительности: что дѣлать? Уйти—значитъ подвергнуться разоренію, оставаться—рисковать жизнью. Жизнь оказалась дороже, и всѣ, какъ стая перелетныхъ птицъ, бѣгущихъ отъ холодной зимы, оставили свои гнѣзда. На половинѣ дороги жители турецкаго селенія Гулича вышли имъ навстрѣчу и, присоединившись съ жителями-турками Танцота, увѣрили бѣгущихъ, что они за своихъ сосѣдей будутъ стоять горой, что турецкія войска ихъ не тронутъ и т. п. Давали обѣщанія, клятвы (вѣдь они были вчерашніе друзья, нельзя было имъ не вѣрить), угощали и достигли своей цѣли: задержали бѣженцевъ на дорогѣ два дня, пока подоспѣли турецкія войска и четники. Тонъ «сосѣдей-турокъ» перемѣнился, и они уже стали требовать выдать все оружіе и 800 р. штрафу за то, что они поднялись со своихъ мѣстъ. Опомнились армяне, но было уже поздно. Уже не было возможности не повиноваться. Отобрали турки оружіе, не оставили даже простыхъ ножей и, какъ барановъ на бойню, стали гнать ихъ обратно въ село.

Прошло сорокъ дней,—дни неописуемаго кошмара. И чего не пережили за это время несчастные обреченные. Всѣ чувствовали, что готовится что-то страшное. Каждый день собирали жителей во дворѣ церкви (и горе тому, кто не приходилъ), дѣлали никому ненужные допросы, мучили, напускали страхъ, въ опустѣвшихъ домахъ хозяйничали, требовали якобы спрятанное оружіе, составляли какіе-то списки.

Наступилъ сорокъ первый день. Армяне узнали, что прибыли извѣстные по своей жестокости трапезундскіе четники, числомъ около пятидесяти.

Вскорѣ по всему селенію разбрелись четники съ приказомъ, что жители каждаго квартала должны собраться въ одномъ домѣ для составленія точныхъ списковъ. Приказъ невинный, и всѣ собрались. Пришли четники, мужчинъ отдѣлили отъ женщинъ и говоря, что списки должны быть составлены въ квартирѣ старшины, повели мужчинъ къ его дому, а женщинъ и дѣтей заперли въ домахъ, оставивъ около нихъ часовыхъ. Грустно опустивъ головы, стояли у дома старшины несчастные обреченные и не знали, что готовиться для нихъ. Изнуренныя, истрадавшіяся лица ихъ выражали тупое равнодушіе ко всему окружающему. Хотя они и не знали о близкой развязкѣ, но чувствовали ее и походили на людей, приговоренныхъ къ смертной казни. Выстроенные въ три большія шеренги, они безмолвно смотрѣли на дверь, куда вводили по пяти человѣкъ и откуда больше никто не возвращался. Они и не подозрѣвали, что ихъ товарищей тамъ связывали и вели черезъ задній ходъ по скрытой дорожкѣ къ рѣчкѣ.

Въ серединѣ первой шеренги осужденныхъ стоялъ тщедушный, болѣзненный, со впалыми щеками молодой, худой и длинный мужчина. Онъ нервно водилъ глазами по сторонамъ и, казалось, искалъ кого-то.

Это былъ учитель приходской школы того села Вартанъ Мазманянъ. Почти всю свою жизнь онъ провелъ въ родномъ селеніи и горячо любилъ все родное, всѣхъ этихъ несчастныхъ. Въ свое время онъ убѣдилъ сельчанъ бѣжать до прибытія турецкихъ полчищъ, но потомъ не смогъ довести дѣло до конца изъ-за стариковъ, упрямство которыхъ погубило все. Эти сорокъ дней онъ метался изъ стороны въ сторону, стараясь облегчить участь несчастныхъ сельчанъ. Когда звали къ старшинѣ, онъ могъ бы не пойти, спрятаться, но, чувствуя бѣду, онъ рѣшилъ раздѣлить общую участь.

Его грубо толкнули въ бокъ. Онъ чуть было не упалъ, но выпрямился и побрелъ къ двери дома старшины, куда указалъ свирѣпый четникъ, опустившій башлыкъ до самыхъ глазъ.

Прошло пять минутъ. Черезъ заднюю дверь дома вышло пять человѣкъ, связанныхъ другъ съ другомъ, и несвязанный учитель. Шествіе замыкалъ вооруженный четникъ. Какимъ-то чудомъ учитель остался свободнымъ: конецъ веревки, къ которому нужно было его привязать, оказался недостаточно длиннымъ и, кромѣ того, внѣшность его не сулила ничего страшнаго. «Истамазъ, истамазъ, бу писикъ да бенданъ качачахъ?» (не надо, не надо, эта кошка отъ меня не убѣжитъ)— проговорилъ четникъ, еще разъ презрительно толкнувъ учителя, когда хотѣли принести кусочекъ веревки, чтобы его тоже привязать. «Айда»,—закричалъ четникъ, когда все было кончено, въ третій разъ толкнувъ несчастнаго, показывая этимъ, что надо тронуться. Учитель качнулся и невольно толкнулъ стоявшихъ связанныхъ впереди него. Шествіе тронулось.

Подошли къ глубокому оврагу, по каменистому дну котораго протекалъ ручеекъ. Отъ возвышеннаго скалистаго края оврага внизъ открывалась страшная пропасть. Учитель понялъ все и испуганно отодвинулся въ сторону отъ четника. Связанные тоже поняли, что съ ними хотятъ сдѣлать и со страшнымъ крикомъ попятились назадъ. Четникъ набросился на нихъ. Онъ старался толкнуть ихъ въ пропасть, но ему не удавалось. Учитель бросился бѣжать по краю оврага. Сзади послышался пронзительный свистъ, и онъ увидѣлъ, что одинъ турокъ бѣжитъ на него со штыкомъ. Когда турокъ подбѣжалъ, учитель споткнулся и упалъ, а ударъ пришелся по воздуху. Учитель дернулъ за ружье и съ нимъ покатился по мягкому, усѣянному мелкимъ кустарникомъ, скату внизъ къ ручью.

Какъ только учитель докатился до ручья, онъ всталъ, бросилъ винтовку въ воду, прошелъ ползкомъ около двадцати шаговъ и спрятался. Послѣ того, какъ турки прошли мимо, онъ вышелъ,

осторожно взобрался на другую сторону оврага, обошелъ село съ противоположной стороны къ разсвѣту, крадучись зашелъ въ свой домъ. Обнявшись съ женой, онъ немедленно зашелъ въ потайной ходъ, сдѣланный въ стѣнѣ, гдѣ находился въ эту ночь его младшій братъ.

Прошло около часу, и нѣсколько четниковъ появилось около дома. Нѣкоторые стали ломиться въ дверь, требуя убѣжавшаго учителя, а другіе черезъ окна направили ружья во внутрь дома. Жена ломала руки, просила, молила пощадить. Наконецъ, спрятавшіеся не вытерпѣли, выскочили изъ отверстія стѣны; младшій братъ далъ два выстрѣла изъ револьвера по стоявшимъ у окна туркамъ; оба черезъ боковую дверь выскочили на дворъ и побѣжали въ разныя стороны. Старшій братъ скрылся, его не нашли, но младшаго догнали и тутъ же уложили.

Потянулись новые дни, ужасъ которыхъ трудно описать. Турки рѣшили перебить старухъ, а дѣтей и молодыхъ женщинъ распредѣлить между собою. Нѣсколько женщинъ и дѣвушекъ покончили съ собою, бросившись съ крышъ или принявъ отраву. Остальныя рѣшили, что когда дѣло коснется чести, пойдутъ насилія, нужно будетъ отравить дѣтей и самимъ отравиться. Откуда-то достали огромное количество мышьяка и распредѣлили между собою. Рѣшеніе было страшное, но оно утѣшало, и всѣ, привыкнувъ къ мысли о смерти, спокойно смотрѣли ей въ глаза.

Учитель сидѣлъ въ подземельѣ подъ домомъ сельскаго дьячка. На 26-ой день своего сидѣнья, онъ рѣшилъ пробраться къ нашимъ войскамъ и умолить придти на помощь.

Въ глухую темную ночь вышелъ онъ изъ селенія. Цѣлыхъ три дня скитался по лѣсамъ и горамъ и, наконецъ, нашелъ тѣхъ кого искалъ.

Его радости не было конца. Любо было на него смотрѣть, когда онъ скакалъ впереди нѣсколькихъ сотенъ бравыхъ казаковъ. Его тщедушная фигура точно выпрямилась. Онъ гналъ лошадь сколько было мочи и думалъ, что можетъ быть опоздалъ. Къ счастью онъ поспѣлъ во время. Гнусный замыселъ остался невыполненнымъ.

Среди бѣлаго дня надъ селеніемъ послышались раскаты двукратнаго залпа. Турки, эти храбрецы въ звѣрствахъ надъ беззащитными, женщинами и дѣтьми, смѣшались и пустились бѣжать. Казаки мигомъ спустились въ селеніе, посадили на лошадей женщинъ и большихъ дѣтей, маленькихъ взяли на руки и тронулись обратно. Тяжело пришлось всѣмъ на Яланузачамскомъ перевалѣ, но казаки, глубоко тронутые видомъ несчастныхъ, до конца довели свое святое дѣло, доставивъ всѣхъ до ближайшаго населеннаго пункта.

Аршакъ Азнаурянъ.

Возстановленіе Арменіи.

Армянскій съѣздъ. *)

Открылся съѣздъ армянскихъ общественныхъ дѣятелей. Съѣхалось около 150-ти человѣкъ, главнымъ образомъ представителей армянскихъ колоній Петрограда, Москвы и Сѣвернаго Кавказа. Представители Закавказья, занятые въ краевомъ совѣщаніи по введенію земства на Кавказѣ отсутствуютъ. Задачей съѣзда является организація дѣла помощи бѣженцамъ-армянамъ при возвращеніи ихъ на родныя пепелища и, наконецъ, объединеніе всѣхъ армянскихъ организацій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Предсѣдателемъ съѣзда избранъ С. Г. Мамиконянъ, его товарищами—Г. Х. Чалкушьянъ, профессоръ В. И. Вартановъ и А. Б. Асрибековъ.

С. Г. Мамиконянъ (Москва) во вступительномъ словѣ выразилъ глубокую благодарность отъ имени армянскаго народа Россіи и всѣмъ державамъ согласія за то теплое участіе, которое союзники принимаютъ въ судьбѣ многострадательнаго народа. Когда Турція напала на Россію, всѣ армяне, какъ одинъ, встали на сторону Россіи и ея союзниковъ. Сейчасъ мы стоимъ,—говоритъ ораторъ,—передъ роковымъ моментомъ въ жизни армянскаго народа. Мы почти безсильны сдѣлать что-нибудь для нашихъ сородичей. 270 тысячъ армянъ ушли изъ Турціи въ Россію, 600 тысячъ вырѣзано, нѣсколько сотъ тысячъ угнано въ пустыни Месопотаміи. Какъ имъ помочь? Что сдѣлат? Вотъ вопросы, которыми долженъ заняться съѣздъ, и я вѣрю, что всѣ мученія армянъ приведутъ къ ихъ воскресенію. Для армянскаго народа послѣ побѣды Россіи и ея союзниковъ будетъ свѣтлое будущее.

Г. Х. Чалкушьянъ (Нахичевань) останавливается на положеніи армянъ-бѣженцевъ и на положеніи армянъ плѣнныхъ.

Членъ Гос. Думы М. И. Пападжановъ останавливается на дѣятельности Татіанинскаго комитета и особаго совѣщанія о бѣженцахъ, ассигновавшаго около 8-ми милліоновъ на помощь армянскимъ бѣженцамъ, и указываетъ, что въ дѣлѣ помощи бѣженцамъ лучше всего оказались армянскіе крестьяне.

Съѣздъ постановляетъ послать вѣрноподданническую телеграмму Государю Императору и привѣтственную телеграмму Великому Князю Ни-

*) Въ виду краткости времени, остающагося до выхода номера и невозможности помѣщенія полнаго стенографическаго отчета о засѣданіи съѣзда, редакція ограничивается здѣсь приведеніемъ замѣтки, помѣщенной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». По окончаніи съѣзда, въ слѣдующемъ номерѣ будетъ помѣщенъ полный стенографическій отчетъ засѣданій съѣзда.

Редакція.

колаю Николаевичу. Кромѣ того посылаются телеграммы министру иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонову съ выраженіемъ благодарности за труды по введенію реформы въ Арменіи и за его сочувственное отношеніе къ нуждамъ армянскаго народа и благодарственныя телеграммы министрамъ иностранныхъ дѣлъ дѣлъ Англіи и Франціи и заграничнымъ организаціямъ за оказаніе помощи армянамъ.

Съѣздъ раздѣляется на рядъ секцій: по организаціоннымъ вопросамъ, по вопросамъ школьнаго образованія, финансово-экономическимъ, врачебно-санитарнымъ, сельско-хозяйственнымъ, юридическимъ и по общимъ вопросамъ.

«Русск. Вѣдом.».

Армянская делегація.

БУХАРЕСТЪ. Здѣсь получены извѣстія, что въ скоромъ времени армянская делегація посѣтитъ столицы державъ четверного согласія для выраженія благодарности за интересъ, проявленный къ судьбѣ Арменіи, и для передачи привѣтствія армянскаго народа доблестной русской арміи. По пути комиссія будетъ принята папой Бенедиктомъ XV.

«Н. В.».

Земское совѣщаніе въ Тифлисѣ.

Подробности перваго засѣданія.

Отъ имени дворянства тифлисскій губернскій предводитель дворянства полковникъ кн. К. Н. Абхази обратился къ Его Высочеству со слѣдующими словами:

«Ваше Императорское Высочество! Взволнованные чувствомъ радости, привѣтствуемъ Ваше пребываніе среди насъ, представителей древнѣйшихъ народовъ Кавказскаго края. Изъ-за нашихъ плечъ глядятъ два тысячелѣтія сознательной исторической жизни, и нынѣ здѣсь предстоящіе ихъ потомки съ вѣрой и надеждой взираемъ на Васъ, Августѣйшаго правителя края, взявшаго на себя великую заботу устроенія нашей общественной и хозяйственно-экономической жизни. Съ самаго начала міровой войны Ваше Императорское Высочество не только одобрили объединенную дѣятельность людей Земли Русской въ лицѣ земскаго и городского союзовъ, но и вдохновили на ту героическую и самоотверженную работу, свидѣтелями которой являются наша славная армія и величественая Россійская Держава. Тогда же чудодѣйственно протянулись незримыя нити драгоцѣннѣйшаго человѣческаго чувства любви и благоговѣйнаго уваженія къ Особѣ Вашего Императорскаго Высочества и связали эти волшебныя нити біеніе сердца Вашего со всей Россіей. По прибытіи на Кавказъ, въ Намѣстничество Вашего Императорскаго Высочества, Вы проникновенно предвидя силу и значеніе общественныхъ установленій въ переживаемое время, предвидя что скорѣйшее введеніе земскихъ учрежденій въ краѣ удвоитъ наши духовныя и матеріальныя средства для защиты нашего государства въ міровой борьбѣ, повелѣли немедленно приступить къ разработкѣ вопроса о введеніи земскихъ учрежденій на Кавказѣ. Актъ, нынѣ Вами совершаемый, равенъ историческому акту освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости на Кавказѣ. Мы безгранично счастливы въ общеніи съ Вами приступить къ творческой работѣ. Да дастъ Вамъ Господь Богъ силу и да благословитъ Ваши труды на радость Нашего Великаго Государя и на счастье ввѣреннаго Вашему высокому управленію Кавказскаго края».

Тифлисскій городской голова А. И. Хатисовъ обратился къ Великому Князю Николаю Николаевичу со слѣд. рѣчью:

«Ваше Императорское Высочество! Отъ имени представителей городовъ Закавказья имѣю высокую честь принести Вашему Императорскому Высочеству чувства глубочайшей всепреданнѣйшей признательности за новый знакъ высокаго вниманія и довѣрія, оказанныхъ город. дѣятелямъ края. Сознавая всю отвѣтственность возложенной на насъ задачи, мы внесемъ въ предстоящій намъ трудъ всѣ наши знанія и опытъ, чтобы искренно и возможно полнѣе освѣтить предложенные намъ программные вопросы. Мы мощнымъ и просвѣщеннымъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Высочества край вскорѣ узритъ долго жданныя земскія учрежденія, призванныя обновить нашъ край дружной и мирной работой разноплеменнаго населенія, одушевленнаго пламенной любовью къ нашему великому отечеству и его Державному Вождю».

Губернскій предводитель дворянства полк. кн. К. Н. Абхази и тифл. город. голова А. И. Хатисовъ обратились къ Августѣйшему предсѣдателю совѣщанія съ просьбой

повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества воодушевляющія собраніе вѣрноподданническія чувства.

Его Императорское Высочество огласилъ текстъ телеграмы, выслушанный стоя.

Затѣмъ его Высочество далъ руководящія указанія о порядкѣ занятій совѣщанія. Въ виду многолюдности собранія и сложности вопроса, Его Высочество предложилъ собранію подраздѣлиться на секціи съ тѣмъ, чтобы въ пленарныхъ собраніяхъ докладывались мнѣнія, какъ большинства, такъ и меньшинства секцій.

Кн. В. Н. Орловъ предложилъ собранію обсудить вопросъ о числѣ секцій и о задачахъ для каждой изъ нихъ.

Кн. К. Н. Абхази. Передъ нами рядъ программныхъ вопросовъ, требующихъ обсужденія въ общихъ собраніяхъ, напр., о формѣ земскихъ учрежденій. Намѣстникъ Его Величества высказалъ пожеланіе, чтобы въ основу нашихъ сужденій легло земское положеніе 1890 года съ измѣненіями примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Положеніе это дѣйствуетъ уже въ 37 губерніяхъ и для нашего края является не только удобнымъ, но и наиболѣе пріемлемымъ по условіямъ прохожденія вопроса въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Пріемлемость положенія 90-го года диктуется еще и чрезвычайной спѣшностью вопроса, въ особенности въ связи съ происходящими событіями. Практика показала, что земскія учрежденія несутъ громадную работу въ тылу и, несомнѣнно, удвоятъ нашу энергію и силу. Если мы будемъ настаивать на учрежденіи какого-то особаго земства, то можемъ встрѣтить серьезныя преграды, законопроэктъ же, въ основѣ котораго будетъ лежать положеніе 90-го года, пройдетъ безпрепятственно. Разныя инстанціи, встрѣтивъ мало знакомый имъ проектъ земства, поневолѣ должны будутъ на немъ долгое время останавливаться, и дѣло затянется, между тѣмъ полномочія Госуд. Думы кончаются въ 1917 году, а въ виду прерывности въ законодательной работѣ, законопроектъ о земствѣ можетъ быть возвращенъ, и тогда придется вести дѣло съ начала. Можно привести и другія доказательства пріемлемости положенія 90-го года. Лучше кое-чѣмъ пожертвовать и все же получить земство, чѣмъ настаивать на трудно осуществимомъ типѣ земства.

Х. А. Вермишевъ настаиваетъ на необходимости обмѣняться взглядами по многимъ программнымъ вопросамъ, имѣющимъ между собой тѣсную органическую связь, и выяснить общія директивы, которыми и слѣдуетъ руководствоваться при работѣ въ секціяхъ.

И. И. Зурабовъ рекомендуетъ образовать три секціи, какъ это было и въ предшествовавшихъ земскихъ совѣщаніяхъ, т. е. типовую, цензовую и финансовую.

Али-Марданъ-бекъ Топчибашевъ присоединяется къ кн. К. Н. Абхази и для ускоренія разрѣшенія вопроса рекомендуетъ остановиться на положеніи 1890 года.

Кн. В. Н. Орловъ. Въ словахъ Его Императорскаго Высочества имѣется указаніе на желаніе Августѣйшаго Намѣстника положить прочное основаніе земскимъ учрежденіямъ на Кавказѣ, согласовавъ положеніе о нихъ съ уже дѣйствующимъ въ Россіи земскимъ положеніемъ. Поэтому при сужденіяхъ о формѣ земскихъ учрежденій надо въ принципѣ держаться положенія 90-го года, однако это не должно стѣснять сужденій о типѣ земства, и критика этого положенія должна быть свободная.

А. И. Хатисовъ. Въ словахъ Его Высочества есть указаніе на чрезвычайное разнообразіе кавк. жизни и разноплеменность населенія Кавказа и на необходимость построить земскія учрежденія на вполнѣ жизненныхъ, а не теоретическихъ основаніяхъ. Поэтому прежде всего необходимо обратиться къ выясненію тѣхъ особенностей, которыя должны отразиться на типѣ кавк. земства. Кто стоитъ за положеніе 90-го года, вѣроятно, уже съ полностью уяснили вопросъ о пригодности его для нашего края, у меня же еще не сложилось убѣжденія, что наша жизнь можетъ быть уложена въ рамки положенія 1890 года. Надо выслушать голоса пріѣхавшихъ съ мѣстъ и выяснить, какія формы земскихъ учрежденій наиболѣе пригодны для нашего края. Быть можетъ для каждой губерніи потребуется своя особая форма. Пожеланія кн. Абхази и А.-М.-б. Топчибашева о спѣшности, конечно, хороши, но спѣшность должна соединяться съ обдуманностью. Не всѣмъ любо положеніе 90-го года, ибо оно не предвидитъ особенностей нашего края. Если держаться положенія 90-го года, то не нужно было бы и такого большого совѣщанія. Мы всегда упрекаемъ законы въ неприспособленности къ нашей жизни, теперь же предоставлена намъ полная возможность поставить дѣло иначе и сказать свое слово о томъ, что намъ дѣйствительно нужно. При баллотировкѣ вопроса о томъ, нужно ли держаться положенія 90-го года, я по совѣсти долженъ воздержаться. У насъ, въ каждой губерніи, все разное, а тутъ выходитъ, что какъ будто всѣ губерніи штампованныя, и для всѣхъ ихъ одинаково пригодно положеніе 90-го г.

В. А. Вартанянцъ полагаетъ, что дѣйствующее въ Россіи земство не можетъ устроить кавказцевъ. Объ этомъ опредѣленно указывается въ словахъ Намѣстника о національныхъ треніяхъ. Если такая абсолютная культурная цѣнность, какъ тифл. политехническій институтъ, вызвала національныя и классовыя тренія, то о земствѣ и говорить не приходится. Земство нужно такое, которое бы удовлетворило всѣхъ.

Г. Д. Журули. Въ этомъ вопросѣ какое-то роковое недоразумѣніе. Нельзя же въ такомъ многолюдномъ собраніи рѣшать всѣ вопросы съ начала. Въ словахъ Его Высочества содержится ясное указаніе на необходимость поставить точку надъ і въ этомъ вопросѣ. Я былъ еще юношей когда возбужденъ былъ вопросъ о земской реформѣ на Кавказѣ; теперь я уже дожилъ до сѣдыхъ волосъ, но не знаю, дописываются-ли послѣднія страницы исторіи вопроса о земствѣ на Кавказѣ. Вопросъ этотъ давно разсмотрѣнъ, но, если начинать съ начала, то и моей жизни не хватитъ, пока дождешься его разрѣшенія. Для ускоренія дѣла надо остановиться на типѣ 90-го года. Мнѣ думается, что въ секцію запишутся всѣ, поэтому, не откладывая, приступимъ сейчасъ же къ дѣлу.

М. В. Мачабели. Если тянуть дѣло, то мы никогда не получимъ земства. Почему Россія можетъ довольствоваться земскимъ положеніемъ, а мы нѣтъ? Развѣ тамъ вездѣ одинаковыя условія жизни? Конечно, нѣтъ, но все же земскіе люди сумѣли использовать несовершенное земское положеніе и тѣмъ принесли громадную пользу народу. Мы должны внести лишь небольшія измѣненія, которыя не озадачатъ законод. учрежденій.

И. М. Долухановъ. Вопросы надо рѣшать практически, исходя изъ условій, диктуемыхъ дѣйствительностью. Если цѣликомъ опираться на положеніе 90-го года, то мы не отвѣтимъ на вопросы, поставленные въ рѣчи Намѣстника. Для правильной постановки дѣла необходимо, прежде всего, разсмотрѣть матеріалы, доставленные съ мѣстъ. Не обсудивъ вопроса во всей его полнотѣ, я не могу по совѣсти голосовать за возможность примѣненія положенія 90-го года къ Кавказу. Надо въ секціяхъ детально ознакомиться со всѣми данными по вопросу о земской реформѣ, желательной для Кавказа, и тогда кристаллизованная мысль можетъ быть предложена на обсужденіе общаго собранія. Тутъ уже многіе признали пріемлемость дѣйствующаго въ Россіи положенія, но, говоря по совѣсти, мы его не знаемъ. Быть можетъ, въ него необходимо внести существенныя поправки, а какія именно, это надо выяснить. Мы—люди практики и въ нашей работѣ при разсмотрѣніи вопроса о формѣ не будемъ увлекаться несбыточными мечтами. Давать секціямъ директивы не приходится, иначе, исходя только изъ положенія 90-го года, мы не найдемъ той правды жизни, о которой говоритъ Намѣстникъ.

Кн. В. Н. Орловъ. При созывѣ настоящаго совѣщанія имѣлось въ виду услышать голосъ людей земли, поэтому представляется желательнымъ, чтобы работа въ секціяхъ ничѣмъ не была стѣсняема. Пусть каждый свободно выскажетъ свое мнѣніе, по своему крайнему разумѣнію.

П. В. Истоминъ. Вопросъ о положеніи 90-го года не имѣлъ такого важнаго значенія, какое ему здѣсь придаютъ. Предложеніе руководствоваться этимъ положеніемъ никакъ не можетъ стѣснить работы секцій, которыя непремѣнно должны имѣть какое-либо исходное начало, которымъ въ данномъ случаѣ является дѣйствующее въ Россіи земское положеніе. Весьма возможно, что секціи будутъ противъ положенія 90-го года, тогда общее собраніе его можетъ отвергнуть. Какъ никакъ, а секціи поневолѣ должны обращаться къ дѣйствующему положенію. Этому уже имѣется прецедентъ. Въ Государственную Думу, какъ вы помните, за подписью 72 членовъ, было внесено законодательное предположеніе о введеніи на Кавказѣ земства, и первыми подъ нимъ подписались кавказскіе депутаты. Предполагалось ввести земскія учрежденія именно по положенію 12 іюня 1890 года съ измѣненіями, вызываемыми особенностями кавказской дѣйствительности. Подписывая законодательное предположеніе, депутаты, очевидно, имѣли въ виду неизбѣжность исходить изъ дѣйствующихъ нормъ земскихъ учрежденій. Можно указать еще на книгу извѣстнаго знатока земскаго вопроса кн. Г. М. Туманова о земствѣ на Кавказѣ. У него та же форма земства. Ясно, что для всѣхъ положеніе 90-го года служитъ отправной точкой. Допустимъ, что пленарное засѣданіе не дастъ секціямъ директивъ, все равно они будутъ обращать взоры къ уже дѣйствующему положенію, однако, если бы были даны директивы, то они внесли бы стройность въ сужденія секцій.

С. А. Анисимовъ заявляетъ, что онъ, какъ старый земскій работникъ, знаетъ, что въ земскихъ положеніяхъ масса дефектовъ поэтому весьма вѣроятно, что при работѣ въ секціяхъ отъ положенія 90-го года не останется камня на камнѣ.

Н. К. Тавгиридзе: Мы люди съ мѣстъ, давно уже обсуждали вопросъ и поняли, что можетъ быть проведено въ жизнь при настоящихъ условіяхъ, и мы знаемъ, что пока необходимо принять то, что уже дѣйствуетъ въ Россіи. Мы знаемъ, что и городовое положеніе далеко отъ совершенства, однако же мы не отказываемся работать. Если совѣщаніе признаетъ нужнымъ произвести коренную ломку въ дѣйствующемъ положеніи, то можно быть увѣреннымъ, что мы не добьемся земства. Поэтому возьмемъ то, что имѣется, сама жизнь сгладитъ несовершенства положенія 1890 года. Нѣтъ сомнѣнія, что недалеко время, когда дѣйствующее въ Россіи земское положеніе будетъ улучшено, и улучшеніе, несомнѣнно, будетъ распространено и на Кавказъ.

Ф. А. Лизогубъ: Для работъ секцій нужна канва, которой для нихъ послужитъ дѣйствующее положеніе. Никто не говоритъ, что положеніе 90-го года является чѣмъ то незыблемымъ. Самъ законодатель признаетъ нѣкоторыя его статьи устарѣвшими. И

вотъ въ секціяхъ, при прохожденіи статей положенія, въ нихъ могутъ быть внесены измѣненія. Всякое законоположеніе составляется только приблизительно и не можетъ, конечно, обнять всего многообразія сторонъ жизни, и вотъ послѣдняя и вноситъ въ законъ коррективы.

Въ заключеніе Ф. А. Лизогубъ говоритъ, что разсмотрѣніе основныхъ вопросовъ неудобно въ пленарномъ собраніи, а потому необходимо разбиться на секціи, которыя въ своихъ работахъ будутъ руководствоваться дѣйствующимъ положеніемъ.

Кн. Кита Абашидзе говоритъ за необходимость принять въ основу положеніе 90-го года. Когда оно на Кавказѣ. Если же,— говоритъ кн. Абашидзе,— будетъ измѣнено въ Россіи, то будетъ измѣнено и согласиться съ А. И. Хатисовымъ, то совѣщаніе не состоится только потому, что не всѣмъ нравится положеніе 90-го года.

Какъ уже извѣстно читателямъ, громаднымъ большинствомъ голосовъ совѣщаніе постановило принять исходную точку положенія 90-го года.

(*„Тифлисскій листокъ“*).

Работа секцій.

Первая секція.

Секція закончила свои работы. Постановлено ввести общій типъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ по положенію 1890 г. по всѣмъ губерніямъ Закавказья и только въ Дагестанской области, въ виду финансовой маломощности ея, соединить нѣкоторые округа въ одинъ земскій уѣздъ. По вопросу о компетенціи земства въ Закавказьѣ рѣшено въ общемъ ограничиться рамками положенія 1890 г. и только по предложенію меньшинства по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ высказано положеніе: 1) предоставить воды мѣстнаго значенія въ распоряженіе губернскихъ земствъ, послѣ того, какъ по этому поводу пройдетъ соотвѣтствующій законъ, разрабатываемый и для внутреннихъ земскихъ губерній; 2) расширить право губернскихъ земствъ въ области изданія обязательныхъ постановленій еще предоставленіемъ права фиксаціи цѣнъ на предметы первой необходимости тогда, когда это право будетъ предоставлено и остальнымъ земствамъ Имперіи.

Вторая секція.

Во второй секціи работы еще не закончены. По вопросу о типѣ ценза заслушанъ докладъ представителя тифлисскаго дворянства В. А. Демидова, который, опредѣленно защищая дворянскую точку зрѣнія на желательный контингентъ работниковъ въ Закавказскомъ земствѣ, настаивалъ на введеніи здѣсь только земельно-подесятиннаго ценза, уменьшивъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ его размѣры. Предложеніе докладчика поддерживали М. В. Мачабели, Ф. Г. Гогичайшвили и др. Сторонники налогового ценза, для того, чтобы привлечь возможно болѣе участниковъ въ земскомъ дѣлѣ въ Закавказьѣ, предлагали этотъ цензъ примѣнить въ болѣе широкомъ масштабѣ, предоставивъ право участія въ выборахъ земскихъ гласныхъ всѣмъ безъ исключенія плательщикамъ земскаго сбора,— будетъ ли это сборъ съ земель, недвижимостей, торговли или промысловъ. Большинствомъ 68 противъ 20 секція постановила примѣнить къ земскимъ учрежденіямъ Закавказья формы ценза согласно положенію 1890 года.

Третья секція.

Въ третьей секціи состоялось подъ предсѣдательствомъ управляющаго тифлисской казенной палатой Л. И. Лѣсняка засѣданіе финансовой подкомиссіи. Предметомъ занятій послужило опредѣленіе доходовъ предполагаемыхъ уѣздныхъ земскихъ учрежденій по отдѣльнымъ губерніямъ. Разсмотрѣно и опредѣлено среднее содержаніе земскихъ, губернскихъ и уѣздныхъ управъ. Для уѣздовъ средняя норма расходовъ опредѣлена около 14,080 руб., для губернскихъ—22,280 руб.; въ нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ центрахъ эта цифра можетъ быть значительно повышена; такъ напр., въ отношеніи тифлисской губернской земской управы подкомиссія опредѣляетъ сумму расходовъ около 38,000 руб.

П. Т.

ОБЗОРЪ ПЕЧАТИ.

Обзоръ иностранной прессы.

Академикъ Ф. Массонъ объ армянахъ.

Фредерикъ Массонъ, одинъ изъ виднѣйшихъ французскихъ академиковъ помѣстилъ въ «Echo de Paris» пространную статью по поводу гоненій турокъ на христіанскіе народы.

«Въ апрѣлѣ 1909 года, начинаетъ Ф. Мазонъ, по сигналу, данному изъ Константинополя, младо- или старо-турки, вопросъ все еще остается открытымъ, начали избіеніе армянъ... Они не успѣли убить всѣхъ, потому что религіозные французы встали на ихъ защиту, пославъ свои суда, чтобы вырвать несчастныя жертвы изъ рукъ извѣровъ»...

«Спрашивается, почему, за что эта вѣчная агонія цѣлаго народа? Вѣдь это будетъ почти вѣрно, если понимать эти ужасныя событія, какъ слѣдствіе все того же подстрекательства Германіи къ уничтоженію армянскаго населенія въ Киликіи, съ тѣмъ, чтобы такъ или иначе удалить изъ сферы вліянія на Багдадскую желѣзную дорогу населеніе, которое могло бы легко конкурировать въ области экономическаго вліянія на Турцію».

Авторъ статьи отнюдь не сомнѣвается, что германцы способны на истребленіе цѣлаго народа ради своихъ интересовъ на Востокѣ. Но вотъ началась война, и

«повсюду, подъ предлогомъ защиты, армянамъ предлагаютъ соединиться въ группы и эмигрировать, но

какъ только печальный караванъ доходитъ до заранѣе намѣченнаго мѣста, его окружали и громили съ той утонченностью, которую только можетъ придумать восточное воображеніе. Но, къ счастью, многіе изъ армянъ, жившіе въ Малой Азіи, смогли прибѣгнуть къ защитѣ русской арміи и были избавлены «горькой участи своихъ собратьевъ»:

«Daily Chronikle», видная лондонская газета, помѣщаетъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ статью своего корреспондента въ Россіи г. Виллямса по армянскому вопросу.

«Русская армія, начинаетъ г. Виллямсъ, заняла Эрзерумъ, Мушъ, Битлисъ и Трапезундъ, и почти нѣтъ сомнѣній, что отнынѣ вся Арменія останется въ рукахъ русскихъ. Но что сталось съ армянами?»

«Ни Бельгія, ни Сербія, ни Польша, ни одинъ изъ этихъ народовъ не страдалъ такъ, какъ пострадали армяне въ этой войнѣ:

... Въ своей древней родинѣ армяне были подвергнуты поголовному истребленію... и Германія, и Турція сдѣлали все возможное, чтобы стереть съ лица земли самое имя армянъ»:

Далѣе авторъ разсказываетъ про свою встрѣчу съ бывшимъ депутатомъ турецкаго парламента Ваганомъ Папазяномъ и въ пространномъ изложеніи передаетъ его разсказъ о погромахъ въ Мушѣ и о его бѣгствѣ въ Россію.

Кавказская печать о земствѣ.

„Кавказское слово" разсказываетъ о той позиціи, которую заняло дворянско-землевладѣльческое большинство земскаго совѣщанія:

„Члены совѣщанія не разобрались въ своемъ собственномъ положеніи. Добрая половина ихъ почла себя законодателями. Они почему-то рѣшили, что ихъ постановленія будутъ имѣть характеръ рѣшеній и что отъ ихъ постановленій и рѣшеній можетъ зависѣть ускореніе или замедленіе проведенія земской реформы на Кавказѣ. Они забываютъ, что совѣщаніе состоитъ вовсе не изъ представителей правильно избранныхъ населеніемъ, что они не представляютъ ни большинства ни меньшинства,—они просто свѣдущіе люди, приглашенные Канцеляріей Намѣстника для сообщенія свѣдѣній, для того, чтобы подѣлиться своимъ жизненнымъ опытомъ и знаніемъ земскихъ нуждъ. Если же нѣкоторыя общественныя учрежденія и выбрали ихъ въ качествѣ своихъ представителей, то этотъ выборъ имѣетъ значеніе лишь рекомендаціи освѣдомленности даннаго человѣка.

Поэтому большинство и меньшинство въ этомъ совѣщаніи чисто случайнаго характера, и никому неизвѣстно, соотвѣтствуетъ ли это большинство и меньшинство настоящему количественному распредѣленію мнѣній въ краѣ. Мнѣніе каждаго изъ нихъ имѣетъ свою собственную цѣнность, какъ матеріалъ для тѣхъ, кто будетъ составлять законопроектъ".

Большинство первымъ дѣломъ внесло предложеніе о цензурѣ. И получилось странное явленіе: представители общественныхъ организацій стояли за стѣсненіе свободы слова, за ограниченіе преній въ рамкахъ закона 1890 г., а представители администраціи отстаивали свободу сужденій.

„Въ концѣ концовъ,—говоритъ газета,—благодаря упорству меньшинства и въ особенности благодаря опредѣленности заявленій организаторовъ совѣщанія было постановлено—разбить совѣщаніе на секціи, противъ чего возставало большинство, въ этихъ секціяхъ разработать въ исчерпывающей полнотѣ отдѣльные вопросы предстоящей земской реформы и затѣмъ уже обсудить въ пленарныхъ собраніяхъ доклады секцій. Секціямъ предоставлена полная свобода сужденій при обсужденіи вопросовъ, въ какой мѣрѣ и съ какими измѣненіями возможно примѣнить къ Кавказу земское положеніе 1890 г. При этомъ за меньшинствомъ обезпечена возможности представить всѣ свои мнѣнія и обосновать всѣ свои точки зрѣнія мотивированными докладами. Работы совѣщанія послужатъ матеріаломъ для законодательной работы".

Въ передовицѣ № 96 той же газеты говорится:

„На земскомъ совѣщаніи во дворцѣ Намѣстника одно изъ мнѣній уже окончательно выкристаллизовалось—это мнѣніе грузинскаго дворянства. Дворяне настаиваютъ на безотлагательномъ введеніи сословнаго земскаго положенія 1890 г. Нѣкоторые изъ нихъ доходятъ даже до такой крайности, что высказываютъ пожеланіе о проведеніи въ жизнь этого закона въ порядкѣ 87 ст., минуя, слѣдовательно, и законодательныя палаты и всѣ инстанціи, вплоть до происходящаго сейчасъ во дворцѣ совѣщанія. Это вполнѣ естественно, ибо сословное земство 1890 г. дастъ мѣстнымъ дворянамъ несравненно больше правъ, чѣмъ тѣ, которыми обладаютъ дворяне русскихъ губерній. Кавказское крестьянство надѣлено землей въ значительно меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ русское и, слѣдовательно, вынося на своихъ плечахъ всѣ тяготы земскаго обложенія, оно фактически будетъ устранено отъ какого бы то ни было вліянія на управленіе земскимъ хозяйствомъ, которое цѣликомъ сосредоточится въ дворянскихъ рукахъ".

Мнѣніе дворянской группы

„Должно быть лишь зарегистрировано, какъ точка зрѣнія небольшой, но вліятельной группы лицъ отстаивающихъ свои собственные частные интересы. Никто изъ членовъ совѣщанія не долженъ изъ-за этого отказываться отъ работы".

Далѣе газета указываетъ, что по мѣрѣ увеличенія русскихъ владѣній на Кавказѣ вводилось во вновь присоединенныхъ областяхъ новое административное устройство, этимъ и объясняется значительная искусственность административнаго дѣленія Закавказья.

Члены совѣщанія.

„Должны выяснить всѣ мѣстныя особенности края, должны обрисовать ихъ подробно, должны нарисовать тѣ, контуры, которые болѣе соотвѣтствуютъ продуктивной земской работѣ, чѣмъ существующая административная мозаика".

Они должны дать

„Исчерпывающую картину жизненныхъ требованій, которыя намѣтятъ планъ будущихъ перестроекъ Кавказскаго края. Если даже сейчасъ этотъ планъ во всемъ своемъ объемѣ не сможетъ быть проведенъ въ жизнь, то онъ послужитъ руководящимъ началомъ для выработки такого законопроекта, который по условіямъ времени будетъ имѣть больше шансовъ къ осуществленію".

«Русскія Вѣдомости» указываютъ, что земское совѣщаніе, принявъ за исходное положеніе, въ своихъ работахъ земское положеніе 1890 г., дѣйствующее во внутреннихъ губерніяхъ Европейской Россіи, естественно, должно было отвергнуть мысль объ организаціи областного или общекраевого земства, а также районныхъ земствъ и мелкой земской единицы.

„Отношеніе ко всѣмъ этимъ поднятымъ вопросамъ у участниковъ земскаго совѣщанія явно опредѣлялось ихъ принадлежностью къ тѣмъ или инымъ соціальнымъ и національнымъ группамъ. Сильно представленная въ совѣщаніи дворянская группа вмѣстѣ съ представителями мусульманскаго населенія высказалась противъ общекраевого органа, противъ уничтоженія сословности. Эти же группы, представляющія болѣе крупную земельную собственность въ Закавказьѣ, голосовали за установленіе высокаго ценза и въ формѣ земельнаго, а не налоговаго ценза. Въ этой средѣ явно обнаружились антидемократическія тенденціи и въ отношеніи къ вопросу о введеніи болѣе мелкаго, чѣмъ уѣздное земство. Наоборотъ

другая соціальная группа представителей краевой промышленности и торговли, въ большинствѣ представители армянскаго населенія, а равно мелкіе земельные собственники, стояли на точкѣ зрѣнія большей демократизаціи проектируемыхъ для Закавказья земскихъ учрежденія. Они находили, что необходимо устранить сословный принципъ въ земскомъ устройствѣ, такъ какъ половина кавказскаго населенія безсословна, и понизить до минимума избирательный цензъ. Эти группы высказались за введеніе какъ общекраевого земства, такъ и мелкой земской единицы".

Въ такомъ же духѣ высказалось земское совѣщаніе 1909 года.

„Гутъ сплетаются и перекрещиваются національные и соціальные интересы, хотя въ Закавказьѣ въ большинствѣ соціальныя группировки совпадаютъ съ національными различіями. Что касается вопроса о мелкой земской единицѣ, то въ отношеніяхъ къ нему рѣшающую роль играютъ не столько національные, сколько сословно-имущественные интересы".

Въ заключеніе газета говоритъ:

„Земское положеніе 1890 года, какъ показалъ продолжительный опытъ дѣйствія его во внутреннихъ губерніяхъ, страдаетъ такими крупнѣйшими недостатками, которые уже давно поставили на очередь вопросъ объ его пересмотрѣ. Реформа Земскаго Положенія 1890 г.—вопросъ ближайшаго времени. Между тѣмъ въ земскомъ совѣщаніи въ Тифлисѣ это положеніе кладется въ основу устройства кавказскаго земства. Это, безъ сомнѣнія, приведетъ здѣсь еще къ болѣе отрицательнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ какія обнаружились въ жизни земствъ внутреннихъ губерній".

«Приазовскій край» по поводу земскихъ совѣщаній пишетъ:

„Желая полнаго успѣха работамъ тифлисскаго совѣщанія и скорѣйшаго увѣнчанія ихъ практическими послѣдствіями въ видѣ введенія въ огромномъ и богатомъ краѣ земской реформы, мы, однако, не можемъ не обратить вниманія на одно печальное обстоятельство. Сужденія тифлисскаго совѣщанія, которымъ предоставлена «полная свобода», ограничены только въ одномъ, но это одно въ высшей степени существенно. Совѣщанію предложено, какъ conditio sine qua non, держатся, «въ выработкѣ кавказскаго законопроекта нормъ нынѣ дѣйствующаго въ Россіи земскаго положенія 1890 г., т.-е. того положенія, которое давно признано отставшимъ отъ жизни и требующимъ коренной переработки".

Главнымъ недостаткомъ земскаго положенія 1890 г. является его отчужденность отъ деревни по личному составу своихъ органовъ и въ чисто территоріальномъ смыслѣ. Поэтому

„Правильный путь, который въ состояніи разсѣять всякія предубѣжденія и создать въ народѣ скорыя и прочныя симпатіи къ земскимъ учрежденіямъ—это приближеніе послѣднихъ къ населенію. А средство къ этому имѣется только одно. демократизація земства путемъ расширенія избирательнаго права, учрежденія мелкой земской единицы и освобожденія земской работы отъ той административной опеки, подъ которой она находится теперь.

Когда земское дѣло будетъ дѣлать самъ народъ; когда ближайшія нужды деревни—культурныя, просвѣтительныя и др.—будутъ обсуждаться и вѣдаться здѣсь же на мѣстѣ, въ волостномъ земствѣ; когда законнымъ рѣшеніямъ земства не будетъ грозить отмѣна несогласной съ ними администраціи, — то земство несомнѣнно пріобрѣтетъ широкія симпатіи въ народѣ и станетъ на непоколебимо прочную базу.

Но все это возможно именно тогда, когда земское положеніе 1890 года будетъ признано непригоднымъ для регулированія мѣстнаго самоуправленія".

Газета «Баку» по поводу совѣщанія о Кавказскомъ земствѣ говоритъ.

«При наличномъ составѣ предстоящаго совѣщанія возможно въ крайнемъ случаѣ, если и не повліять на окончательную редакцію проекта, который соберетъ большинство, то выдвинуть и поставить рядомъ съ этимъ проектомъ, такой проектъ, который послужитъ базой для отстаиванія въ Гос. Думѣ нѣкоторыхъ существенно-важныхъ вопросовъ и вполнѣ осуществимыхъ руководящихъ положеній.

Мы думаемъ также, что и для высшей краевой власти мнѣнія и соображенія меньшинства могутъ имѣть значеніе не меньшее, чѣмъ то, на чемъ остановится большинство, въ особенности по такимъ вопросамъ, которые не имѣютъ общаго для всѣхъ частей края значенія и представляютъ интересъ чисто мѣстный, для отдѣльныхъ его районовъ или народностей.

При такихъ условіяхъ передъ тѣмъ меньшинствомъ предстоящаго совѣщанія, которое уже опредѣляется, стоитъ ясная задача—выдвинуть и развить свои пожеланія въ достаточно обоснованной формѣ, чтобы съ ними нельзя было бы не считаться, независимо отъ того, какое число человѣкъ членовъ совѣщанія они соберутъ вокругъ себя. Затѣмъ, кто знаетъ, быть можетъ и то большинство, которое уже опредѣляется въ предстоящемъ совѣщаніи, въ послѣднюю минуту пойметъ, что продуктивность будущей земской работы находится въ зависимости отъ того, будетъ ли она свободна отъ внутренней и національной борьбы; что первѣйшей задачей новаго строительства нашей внутренней жизни является устраненіе безполезной затраты силъ на эту борьбу и предоставленіе каждой національности возможности свободно вѣдать своими культурно-хозяйственными дѣлами, безъ угнетенія и обездоленія со стороны господствующаго большинства.

Кто знаетъ, говоримъ мы, быть можетъ эта здоровая оцѣнка своихъ собственныхъ интересовъ не будетъ чужда большинству земскаго совѣщанія и эти принципы, о которыхъ въ передовыхъ культурныхъ странахъ больше не спорятъ, пріобрѣтутъ сторонниковъ и среди большинства упомянутаго совѣщанія.

Мы особенно расчитываемъ на то, что противъ этихъ принциповъ и у насъ не будетъ большихъ споровъ хотя бы потому, что тамъ, гдѣ невозможна совмѣстная работа, всегда полезно по крайней мѣрѣ не мѣшать другъ другу и предоставить каждому дѣлать свое маленькое земское дѣло по своему.

Какъ правильно замѣчаетъ газета, нѣтъ нужды придерживать буквы закона 1890 г., тѣмъ болѣе, что въ циркулярѣ Августѣйшаго Намѣстника ни слова не говорится объ этомъ.

«При такихъ условіяхъ передъ участниками совѣщанія полный просторъ представлять всѣ «данныя», важныя для земской реформы, не считаясь съ тѣмъ, подходятъ ли эти данныя подъ основныя положенія закона 1890 года или кореннымъ образомъ съ ними расходятся.

За 26 лѣтъ, истекшихъ со времени изданія закона 1890 года внутренняя жизнь Россіи вообще и въ частности Закавказья сильно шагнула впередъ, чтобы стѣснять ея требованія рамками устарѣлаго закона.

Мы думаемъ, поэтому, что единственнымъ критеріемъ, которымъ придется руководиться участникамъ совѣщанія, должны быть не основныя положенія закона 1890 года, а—благо населенія, и такимъ образомъ, все, что диктуется требованіями этого блага, должно быть принято и выражено въ опредѣленной формѣ...

АРМЯНСКАЯ ПРЕССА.

Американскіе выборы и армяне.

Выходящая въ Бостонѣ армянская газета «Пайакъ» въ передовой, подъ заглавіемъ «Американскіе выборы и армяне», коснувшись важнаго значенія избирательнаго права [illegible] говоритъ:

«Это существенное значеніе избирательнаго права обязываетъ живущихъ здѣсь армянъ добиться избирательныхъ правъ; иначе политическихъ правъ.

Такое положеніе будетъ отличаться отъ двойного подданства, по мнѣнію многихъ, оно означаетъ отреченіе отъ нашихъ народныхъ суверенныхъ правъ на нашей первоначальной родинѣ, оно означаетъ измѣну своему отечеству.

Но мы на нашей родинѣ лишены этихъ правъ, такъ какъ мы тамъ являемся рабами, если мы ихъ добиваемся въ этой, то это ничуть не означаетъ отреченія отъ первоначальныхъ нашихъ правъ, или отъ нашего «правительства», такъ какъ таковаго у насъ нѣтъ, а то, что есть, это—шайка преступниковъ, и освободиться отъ позорнаго подчиненія ей и расторгнуть всѣ связи съ ней должны живущіе въ Америкѣ армяне—это ихъ индивидуальная завѣтная обязанность.

Каждый ищетъ защиты какого-либо флага. Флагомъ армянъ, живущихъ въ Америкѣ, долженъ быть звѣздный, которому они должны служить съ вѣрностью и самоотверженностью, до тѣхъ поръ, пока они замѣнятъ его собственнымъ трехцвѣтнымъ флагомъ, болѣе близкимъ ихъ сердцу.

Это отношеніе ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть препятствіемъ къ тому, чтобы армяне—американскіе граждане вѣрно и самоотверженно служили своей первоначальной родинѣ, чтобы она пріобрѣла политическую свободу».

Съ этой послѣдней точки зрѣнія участіе армянъ въ американской политической жизни является еще болѣе необходимымъ.

Поэтому, по мнѣнію газеты, армяне должны принять самое дѣятельное участіе въ предстоящихъ осенью выборахъ президента С. Штатовъ. Такъ какъ нейтральная Америка на мирномъ конгрессѣ будетъ играть видную роль, то очень важно съ точки зрѣнія интересовъ армянъ, кто окажется у кормила правленія Америки, всегда защищающей права маленькихъ народовъ.

«Какимъ образомъ мы можемъ снискать дружбу этого правительства. Какъ мы можемъ дать ему понять, что армянскій вопросъ не является только вопросомъ о прокормленіи сиротъ и помощи несчастнымъ, но что это вопросъ о полученіи Арменіей, имѣющей извѣстныя политическія задачи, своего мѣста, уголка, на солнцѣ, чего добиваются всѣ народы міра, и какъ мы можемъ пріобрѣсти сочувствіе американскаго правительства нашимъ чаяніямъ.

Это очень существенный вопросъ, который долженъ занимать здѣшнихъ армянъ.

«Ноябрьскіе» выборы—лучшій поводъ, чтобы дать должное направленіе этому вопросу. Въ этомъ отношеніи тысяча словъ меньше значатъ, чѣмъ одинъ избирательный голосъ, и голоса организованныхъ армянъ, живущихъ въ Америкѣ, измѣняя численное соотношеніе, могутъ служить этой цѣли».

Газета предлагаетъ возобновить дѣятельность и американскихъ клубовъ; стремиться къ пріобрѣтенію американскаго гражданства и вступивъ во время предстоящей избирательной кампаніи въ соглашеніе съ какой либо партіей голосовать за нее. Голоса армянъ могутъ измѣнить численное соотношеніе голосовъ, а потому, партія, за которую поданы голоса, исполнитъ свои обязательства.

О Закавказскомъ Земствѣ.

«Мшакъ» о тифлисскомъ земскомъ совѣщаніи пишетъ:

«Краевое совѣщаніе по введенію земства на Кавказѣ обнаружило одно явленіе, которое прекрасно характеризуетъ дворянское и крупное землевладѣльческое сословіе. Какъ Намѣстникъ, такъ и его помощникъ и другія должностныя лица очень опредѣленно заявили, что для того, чтобы земство на Кавказѣ покоилось на жизненныхъ, а не теоретическихъ основаніяхъ, членамъ совѣщанія предоставляется полная возможность высказывать свое мнѣніе о типѣ или формѣ земства, о дѣйствующемъ Положеніи о Земствѣ, чтобы возможно было выработать типъ земства, соотвѣтствующій нуждамъ и требованіямъ разнообразной жизни многоплеменнаго Кавказа.

Но представители грузинскаго дворянства, какъ и татарскіе крупные землевладѣльцы, начали единогласно требовать, чтобы немедленно, безъ разсмотрѣнія было принято въ качествѣ типа земства положеніе 1890 года».

Создалось поразительное положеніе: представители общества стояли за цензуру, а бюрократія за свободу мнѣній.

«И хотя большинство совѣщанія, обнаружившее реакціонный духъ, выиграло побѣду, опредѣливъ на первомъ же засѣданіи въ качествѣ основы или типа земской реформы положеніе 1890 года, но, благодаря мудрой политикѣ Намѣстника, заявившаго черезъ князя Орлова, что рѣшеніе большинства не можетъ связывать оппозиціонное меньшинство — послѣднее можетъ свободно обсуждать недостатки положенія 1890 года, что мнѣніе меньшинства также должно быть представлено на благоусмотрѣніе Намѣстника—реакціонныя стремленія дворянства едва ли достигнутъ своей цѣли».

Газета подчеркиваетъ и другой фактъ; при принятіи земельнаго ценза обширный торгово-промышленный классъ—крестьянство будутъ лишены правъ участвовать въ земскомъ управленіи, хотя они и будутъ нести земскія повинности. Несмотря на то дворянское большинство высказалось за земельный цензъ.

«И, прекрасно чувствуя, что ихъ стремленія не найдутъ сочувствія въ Государственной Думѣ, они высказываютъ мысль о проведеніи земской реформы на основаніи 87-й статьи, т. е. безъ обсужденія и санкціи Государственной Думы:

Несомнѣнно, что подобныя стремленія дворянъ и бековъ останутся только стремленіями, т. к. едва ли высшая кавказская власть будетъ поддерживать ихъ, но они обнаруживаютъ лишь реакціонность этихъ сословій».

«Аревъ», касаясь происходящаго въ Тифлисѣ земскаго совѣщанія говоритъ:

«Кавказское дворянство и беки вмѣстѣ съ мѣстной администраціей составляя большинство на тифлисскомъ совѣщательномъ собраніи, съ вполнѣ понятнымъ единодушіемъ диктуютъ свою волю при рѣшеніи земскихъ вопросовъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію, и, что является страннымъ, они пытаются свою точку зрѣнія объявить общекавказской и народной и содѣйствующей осуществленіи идеи солидарности мѣстныхъ народовъ».

Газета еще раньше указывала, что, народъ приглашенъ къ участію на съѣздѣ, а потому и ни грузинское дворянство, ни татарскіе беки, ни представители крупной армянской буржуазіи не могутъ быть выразителями желаній кавказскихъ народовъ въ отношеніи земской реформы.

«Имѣя такое мнѣніе, мы все же предполагали, что во время разсмотрѣнія такой первостепенной реформы тифлисское совѣщаніе откажется отъ сословныхъ, классовыхъ и узко-національныхъ тенденцій и будетъ руководствоваться сознаніемъ общихъ интересовъ края. Ожидая окончанія работъ совѣщанія, чтобы возможно было оцѣнить цѣликомъ принятыя рѣшенія, пока мы должны сказать одно, что позиція, занятая «большинствомъ» совѣщанія, ни въ коемъ случаѣ не соотвѣтствуетъ разнообразнымъ условіямъ Кавказа».

Совѣщаніе не приняло во вниманіе мѣстныхъ экономическихъ и этнографическихъ особенностей

края, при осуществленіи и желаніи большинства сосредоточить въ рукахъ малокультурныхъ землевладѣльцевъ, по мнѣнію газеты, вполнѣ характеризуетъ его. И въ настоящее время какъ въ Россіи давно уже отрицательно относятся къ положенію 1890 г. На Кавказѣ пробуютъ привить старыя формы къ совершенно неподходящей средѣ.

ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Маріэтта Шагиньянъ.

Появленіе второй книги разсказовъ М. Шагиньянъ подъ названіемъ «Семь разговоровъ» снова привлекаетъ вниманіе читающей публики къ творчеству нашей талантливой соотечественницы. И «Рѣчь» и «Русскія Вѣдомости» успѣли уже высказаться по адресу новыхъ разсказовъ поэтессы въ самой сочувственной формѣ, хотя намъ лично кажется, что беллетристика не есть призваніе г-жи Шагиньянъ и что разсказъ не долженъ считаться истинной стихіей ея творчества.

Въ прозѣ г-жи Шагиньянъ чувствуется слишкомъ напряженная надуманность сюжетовъ, нарочитая выдумка житейскихъ положеній и какая-то фальшь въ общемъ планѣ произведенія, чего совершенно нѣтъ въ ея лирикѣ. Этимъ, вѣроятно, объясняется и то обстоятельство, что въ то время, какъ читающее общество къ разсказамъ Шагиньянъ остается довольно равнодушнымъ, книги ея стиховъ выходятъ вторымъ и третьимъ изданіемъ. Вторая книжка стиховъ Шагиньянъ «Orientalia» встрѣчена русской критикой почти единогласно съ искреннимъ дружелюбіемъ.

«Шагиньянъ, вѣрная традиціямъ классической русской поэзіи»,—пишетъ П. Полянинъ,—«умѣетъ подчинить свое пристрастіе къ яркой краскѣ и пышному образу разумной волѣ художницы; эпитетъ ея—остеръ и индивидуаленъ, образы—отчетливы и изобразительны, стихи Шагиньянъ сдѣланы искусно и достигаютъ желанной простоты».

«Дьявольскій чебрецъ»—такъ покровительственно-ласково назвалъ Маріэтту Шангиньянъ извѣстный В. В. Розановъ. «Стихи Шангиньянъ», пишетъ онъ въ «Новомъ Времени», «очень хороши, очень изящны, очень литературны; а въ строеніи сердца автора мы ясно видимъ, что оно полно художественныхъ образовъ, сравненій живыхъ и вмѣстѣ вѣрныхъ».

«У этого поэта, говоритъ о Шагиньянъ С. В. Яблоновскій, плѣнительно сочетаніе голубиной кротости и змѣиной мудрсти. Она владѣетъ стихами, какъ настоящій мастеръ и крупный, философски обработанный умъ. Впитала утонченность западной культуры и соединила ее съ темными зовами, которые несутся къ ней изъ глубокой дали вѣковъ, отъ далекихъ равнинъ и горъ ея родины».

«Поэзія Шагиньянъ,—пишетъ В. Ходасевичъ обращается къ большимъ и серьезнымъ темамъ, къ которымъ подходитъ умно и своеобразно. Мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ также то, что восточный характеръ стихотвореній не является здѣсь безцѣльной и давно надоѣвшей стилизаціей; онъ неразрывно связанъ съ темами. Стихи Шагиньянъ не чужды нѣкоторыхъ вліяній, но мы съ радостью видимъ, что здѣсь дѣло идетъ не о модныхъ увлеченіяхъ современной поэтической молодежи: пушкинскія «подражанія Корану»—вотъ гдѣ Шагиньянъ училась писать стихи».

Вы видите, что всѣ, пишущіе о Шагиньянъ, отмѣчаютъ въ ней серьезность мыслей, правдивую искренность ея переживаній и нѣжную теплоту ея лиризма.

Біографія поэтессы очень проста. Маріэтта Сергѣевна Шагиньянъ родилась въ Москвѣ 21 марта 1888 г. въ семьѣ привать-доцента московскаго университета С. Д. Шагиньянъ. Отецъ ея занималъ каѳедру діагностики внутреннихъ болѣзней.

Сначала Маріэтта обучалась во французскомъ пансіонѣ Констанъ, бывшій Дюмушель, въ Москвѣ, затѣмъ перешла въ гимназію Ржевской, гдѣ и окончила курсъ съ медалью. По окончаніи гимназіи она поступила на высшіе женскіе курсы—на философскій факультетъ историко-философскаго отдѣленія, и окончила курсъ въ 1912 г., подавъ кандидатское сочиненіе «О философѣ Францѣ Баадерѣ». Нынѣ работаетъ надъ магистерской диссертаціей «О философѣ Яковѣ Фрошаммерѣ».

Начала писать стихи очень рано, приблизительно съ 6—7 лѣтъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ отца. Рѣшительное вліяніе на выработку ея міросозерцанія имѣла сначала письменная, а затѣмъ личная дружба съ З. Н. Гиппіусъ и Д. С. Мережковскимъ, съ которыми Шагиньянъ, переселившись на три года въ Петроградъ, вступила въ тѣснѣйшее общеніе. О поэзіи Гиппіусъ ею издана брошюра подъ названіемъ «О блаженствѣ имущаго». Въ послѣдніе годы у поэтессы начинаетъ развиваться любовь къ музыкѣ и интересъ къ теоретическому ея изученію. Подъ впечатлѣніемъ творчества композиторовъ Рахманинова и Метнера она принимается за труды по теоріи музыки. Ни къ какой особой поэтической школѣ Шагиньянъ себя не причисляетъ. Изъ поэтовъ наиболѣе почитаетъ Пушкина.

Очень многимъ извѣстно прекрасное стихотвореніе Шагиньянъ: «Къ Арменіи», но я позволю себѣ привести здѣсь его цѣликомъ, чтобы освѣжить его въ памяти читателя.

Съ какой отрадой неустанной,
Молясь, припоминаю я
Твоихъ церквей напѣвъ гортанный,
Отчизна дальняя моя.
Припоминаю въ боли жгучей,
Какъ очеркъ милаго лица,—
Твои поля, ручьи и кручи,
И сладкій запахъ чебреца...
Велѣнью тайному послушный,
Мой слухъ донынѣ не отвыкъ
Любить твой грустно-простодушный,
Всегда торжественный языкъ.
И въ часъ тоски невыразимой,
Пріютъ послѣдній обрѣтя,
Твое несчастное дитя
Идетъ прилечь къ тебѣ, къ родимой...
Я знаю, мудрый звѣрь лѣсной
Ползетъ домой, когда онъ раненъ.
Ту боль, что далъ мнѣ сѣверянинъ,—
О, залечи мнѣ, край родной!

Вотъ поэзія нѣжная и мудрая въ то же время. привязанность къ родинѣ—чистая и ласковая, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко проникнувшая въ драму всякаго національзма. Поэтесса отлично передаетъ трогательную теплоту и скромное величіе своей отчизны, но въ то же время нисколько не отворачивается отъ трагическаго противорѣчія такихъ враждебныхъ жизненныхъ стихій, какъ простодушный, близкій къ естеству природы югъ, и сложный въ своихъ безсознательныхъ, быть можетъ нездоровыхъ потребностяхъ во имя культуры—сѣверъ. Всѣ мы отравлены сѣверомъ, онъ наноситъ нашей душѣ неизлечимыя боли, но забыть эту боль и вернуться къ плодоноснымъ сокамъ нашей земли мы безсильны, и поэтесса припадаетъ къ лону родного края въ надеждѣ залечить свои больныя сѣверныя раны.

Въ этомъ стихотвореніи сказалась выдающаяся способность Шагиньянъ воплощать въ поэтическіе образы не отвлеченныя, не надуманныя и головныя представленія, а живыя, конкретныя черты, теплыя, чувственныя опредѣленія. Вы живо вызываете въ своемъ воображеніи отчизну, со всѣми ея милыми и родными подробностями, почти осязательными чертами ея древнихъ особенностей, какъ гортанный напѣвъ церковныхъ пѣснопѣній, торжественный, грустно-простодушный языкъ, сладкій запахъ чебреца. Какъ великолѣпны и характерны эти точныя, почти пушкинскія детали: какимъ зоркимъ, художническимъ глазомъ нужно обладать, чтобы найти такіе удачные, вѣрные эпитеты.

Немало своихъ вдохновеній отдаетъ Шагиньянъ восточной женщинѣ и различнымъ ея настроеніямъ: любви, страданію, тоскѣ. Съ внѣшней стороны эти стихи отличаются легкостью и красотою размѣра, изяществомъ риѳмъ, иногда плѣнительно неожиданныхъ, ясной четкостью рисунка, иногда въ нихъ тонко выраженъ цѣломудренно-сдержанный дѣвичій инстинктъ, порой бьется какая-то затаенная, въ глубинахъ души спрятанная, нотка трепетной женственной страсти.

Но всегда эти чувства полны, въ поэзіи Шагиньянъ нѣжнаго и красиваго лиризма, и всегда изображаются съ особой чуткостью къ положенію женщины на востокѣ. Въ этомъ отношеніи каждое стихотвореніе, всякая строфа Маріэтты Шагиньянъ насыщена тѣмъ особеннымъ острымъ оріентализмомъ, который проникаетъ во всѣ чувствованія, во всѣ поступки, движенія и мысли восточной женщины, создаетъ и особый восточный героизмъ и особую восточную покорность. Я думаю, что эта именно черта въ лирикѣ Шагиньянъ, болѣе чѣмъ какая-либо другая привлекла къ ней сердца многочисленныхъ читателей.

Серг. Кара-Мурза.

Памятники армянской старины.

Объ археологическихъ сокровищахъ Арменіи.

Съ грустью приходится отмѣтить индифферентность къ изумительнымъ памятникамъ искусства, которые такъ щедро разбросаны по территоріи Арменіи. Едва ли не въ каждой деревнѣ находятся заброшенныя опустѣлыя церкви, часовни, купольныя или базиличныя, искусно орнаментированныя, говорящія и уму археолога и сердцу художника. Къ сожалѣнію, армянскіе памятники не имѣютъ меценатовъ, научныя же силы на мѣстахъ явно недостаточны, и такимъ образомъ гордые памятники дивнаго зодчества, если не всегда разрушаются, то приходятъ въ сильный упадокъ. А между тѣмъ сохраненіе памятниковъ въ Арменіи имѣетъ не только мѣстное, національное значеніе, но и первостепенное научное. Сложные вопросы византійскаго зодчества, «романскаго» искусства неминуемо должны быть связаны со строительствомъ Арменіи, памятники которой даютъ любопытное сочетаніе мѣстнаго творчества съ установленными типами. Вопросъ, выдвинутый профессоромъ вѣнскаго археолог. института Стржиговскимъ въ его знаменитой книгѣ съ полемическимъ заглавіемъ «Orient oder Rom» о родинѣ этихъ формъ строительства можетъ быть окончательно разрѣшенъ лишь послѣ детальнаго изученія памятниковъ Арменіи. Въ этомъ направленіи сдѣлано немного. Не буду говорить о строго научной работѣ академика Н. Я. Марра въ Ани и въ Ширакской области, давшей такіе поразительные результаты.

За вычетомъ этого, сдѣлано очень немного. Но болѣе удручающе пренебреженіе, съ какимъ относятся къ памятникамъ старины и не только къ крупнымъ монументамъ, но

Гоша-Ванкъ.

и къ другимъ памятникамъ культа «священнымъ» по мѣстнымъ преданіямъ камнямъ, скаламъ, крестамъ), изученіе которыхъ затруднено заброшенностью матеріала, между тѣмъ какъ они могли бы бросить свѣтъ на до-христіанскія культы Арменіи, такъ мало намъ извѣстныя.

Все это, въ достаточной степени общеизвѣстно, но надо, чтобъ такъ же было общепринято, что армянскія древности важны и нужны не только армянину, что они по замыслу не только армян-

Близъ Дилижана, въ лѣсу.

скія, но тѣсно связаны съ великой культурой древности, скажемъ обще, мало-азіатской.

Охранять эти памятники отъ непогоды, отъ некультурныхъ экскурсантовъ, отъ невѣжества, описывать безвѣстные до сихъ поръ памятники культа—это прямая задача армянской интеллигенціи.

Экспедиція Академіи наукъ въ Ванскій вилайетъ.

На состоявшемся въ Тифлисѣ, подъ предсѣдательствомъ Л. Г. Лопатинскаго, засѣданіи кавк. отдѣленія Импер. московскаго археологич. общества С. В. Теръ-Аветисянъ сдѣлалъ докладъ о поѣздкѣ, по порученію конференціи Академіи наукъ, въ Ванскій вилайетъ. Поѣздка эта была организована послѣ доклада профессора Н. Я. Марра Академіи наукъ о разрушеніяхъ и хищеніяхъ, производимыхъ курдами и др. хищниками, памятниковъ старины въ этомъ вилайетѣ. Академія наукъ, командировавъ г. Теръ-Аветисяна въ Ванъ, поручила ему принять мѣры въ охранѣ всѣхъ памятниковъ культуры, а тѣ изъ нихъ, которые подвергаются порчѣ и разрушенію отъ атмосферныхъ вліяній, вывезти въ безопасное мѣсто. Зная, что придется принять мѣры и въ отношеніи охраны памятниковъ церковной старины, докладчикъ просилъ католикоса всѣхъ армянъ назначить въ его распоряженіе свѣдущее духовное лицо для совмѣстной работы при посѣщеніи церквей и монастырей. Выѣхала экспедиція изъ Тифлиса 15 ноября п. г. слѣдуя по маршруту штаба кав. арміи, — Джульфа Хой — Котуръ — Сарай — Ванъ. Первымъ памятникомъ на пути экспедиціи, на который было обращено вниманіе, оказалась Сарайская церковь; церковь вся разрушена и разграблена, а вокругъ нея валялись клочки разорванныхъ рукописей. Доѣхавъ, затѣмъ, до Вана, экспедиція принялась за работу съ Вастана. Докладчикъ отмѣчаетъ въ высшей степени радушный пріемъ оказанный экспедиціи мѣстными военными властями, въ особенности генераломъ К. Въ Вастанѣ были осмотрѣны и детально описаны всѣ памятники старины: вастанская мечеть, которая была начисто разграблена, мавзолей и два армянскихъ монастыря у подошвы горы Ардостъ. Одинъ изъ этихъ монастырей, именно „Чахаръ-Сурпъ-Ншанъ", извѣстенъ тѣмъ, что тамъ похороненъ арм. историкъ V вѣка Егише. Оба монастыря оказались въ ужасномъ видѣ: алтари разрушены, утварь унесена, а книги преданы огню. Удалось проѣхать въ домъ ахтамарскаго католикоса въ „Аха-Ванкѣ". Самое тяжелое

Памятники армянской старины.

Батани. Восточное боковое окно.

впечатлѣніе вынесла экспедиція изъ этого мѣста. По дорогѣ валялась масса неубранныхъ труповъ турецкихъ аскеровъ и курдовъ. Эти аскеры и курды, ограбивъ Ванъ въ сентябрѣ п. г., бросились бѣжать при наступленіи нашихъ войскъ; ихъ преслѣдовали, убивая холоднымъ оружіемъ. Нѣкоторыя изъ плѣненныхъ и армянокъ спаслись во время преслѣдованія подъ охрану нашего отряда, а остальныя были замучены и перебиты въ домѣ католикоса. Трупы этихъ женщинъ экспедиція видѣла въ монастырскомъ дворѣ и самомъ монастырѣ. Подъ разбросанными на протяженіи двухъ верстъ книгами монастырской библіотеки, были также обнаружены трупы женщинъ. Изъ „Аха-Ванка" экспедиція прослѣдовала обратно и остановилась въ историческомъ сел. „Артамедъ", гдѣ сохранилось нѣсколько памятниковъ эпохи ванскихъ царей; это—клинообразныя надписи Урардскаго городища, дома-пещеры, а главное, знаменитый каналъ Семирамиды, проходящій черезъ скалы и овраги и поражающій своею грандіозностью. Далѣе было приступлено къ описанію армянскихъ церквей и турецкихъ мечетей г. Вана. Въ армянскомъ кварталѣ города, Айгестанѣ, всѣ церкви сожжены, уничтожено все имущество, и спасти здѣсь ничего не удалось. Уцѣлѣли церкви и мечети въ старой части города, подъ крѣпостью; но въ нихъ тоже расхищена утварь и прочее имущество неизвѣстно кѣмъ. Въ церкви еще валялись цѣнныя рукописи, которыя были тщательно собраны и описаны. Самое грандіозное здѣсь зданіе, мечеть „Хуршунъ-Джаами" была разнесена чернью при первомъ взятіи города; она лишилась своего главнаго украшенія — внутренней облицовки изразцами. Построена эта мечеть изъ стараго матеріала армянскаго монастыря и въ ней масса камней и плитъ съ армянскими надписями и крестами. На двухъ крестахъ имѣются даже клинообразныя надписи. Экспедиціей очень тщательно было описана также знаменитая Ванская крѣпость, — памятникъ ургагійскихъ царей. Сдѣлано много снимковъ, планы всѣхъ пещеръ, дворцовъ и копіи всѣхъ клинообразныхъ надписей. Затѣмъ экспедиція перешла къ описанію армянскихъ монастырей на островахъ озера Ванъ, во главѣ съ извѣстнымъ по красотѣ Ахтамарскимъ монастыремъ. Въ этихъ монастыряхъ также сдѣлана масса снимковъ, сдѣланы снимки съ богатыхъ барельефовъ, сняты планы и сдѣланы описанія. Въ Ахтамарскомъ монастырѣ найдено до 30 рукописей, остальная богатая коллекція ихъ уничтожена, за исключеніемъ немногихъ вывезенныхъ въ Эчміадзинъ. Сильно пострадалъ также монастырь „Лимъ", изъ котораго неизвѣстными хищниками увезено около 300 пергаментныхъ рукописей и 800 шт. старинной мѣдной посуды. Монастырь „Ктуцъ" потерялъ всю церковную утварь, — удалось вывезти лишь уцѣлѣвшія рукописи. Нѣкоторыя части Варагскаго монастыря также значительно пострадали; но уцѣлѣла здѣсь богатая монастырская библіотека за благовременно запрятанная въ тайникѣ, — вся эта цѣнная библіотека также вывезена. Всѣхъ рукописей, которыя удалось вывезти въ Эчміадзинъ, оказалось 1087. Всѣ мусульманскія рукописи, которыя удалось скупить или собрать, также вывезены и поступаютъ въ азіатскій музей Академіи наукъ. Въ Академію же поступаетъ дневникъ докладчика и богатая коллекція фотографическихъ снимковъ.

„Кавк. Сл."

Изъ армянскихъ рукописей.

Рукопись у армянъ—не только наиболѣе чтимая бытовая реликвія, но и памятная книжка, дневникъ! На свободные листы ея временными владѣльцами заносилось рѣшительно все, что представлялось имъ важнымъ и цѣннымъ. Въ одномъ изъ рукописныхъ Евангелій (19-хъ в.) «еркатагиръ», хранящихся въ Елисаветпольской церкви, на стр. 621 я прочелъ весьма любопытную подпись болѣе позднѣйшихъ временъ: «Я Мехри-шатъ, сынъ Мкртича; у моего племянника Апула былъ долгъ въ 7 тумановъ, половина коего составитъ 3½ тумана. Я, Мехри-шатъ, купилъ сіе священное Евангеліе и съ нимъ странствовалъ по многимъ странамъ. Затѣмъ я выплатилъ 7 т. долга моего племянника; посему, кто впослѣдствіи предъявитъ притязаніе на домъ, садъ или же землю—7 т. да заплатитъ» (за этимъ идутъ подписи свидѣтелей). Въ другой рукописи я нашелъ надпись иного характера. «Въ семъ армянскомъ 1065 г. (1616 по общему), въ воскресенье, 20 іюля, черезъ три часа послѣ наступленія ночи, русскіе казаки на 100 чайкахъ, съ криками ворвались въ г. Кафу, разграбили и сожгли дома и базары».

Встрѣчаются надписи и приписки астрономическаго характера, чисто бытового, церковнаго и т. д. и т. д. Иногда въ одной и той же рукописи, какъ въ калейдоскопѣ, въ простомъ и безхитростномъ изложеніи проходятъ сцены изъ жизни армянъ, турокъ, персовъ, поляковъ, арабовъ, валаховъ, «франковъ», русскихъ и др! Въ замѣчательномъ рукописномъ Евангеліи, съ художественно-исполненными миніатюрными рисунками, красиво переписанномъ (въ 1283 г.), для киликійскаго царя, я нашелъ девять болѣе или менѣе значительныхъ приписокъ, въ которыхъ авторы между прочимъ говорили о крестоносцахъ, туркахъ, персахъ и др.! Такихъ рукописей во всѣхъ книгохранилищахъ и музеяхъ Европы, Азіи, Америки и Африки насчитывается болѣе 15 тысячъ. А сколько ихъ у частныхъ лицъ, въ глухихъ монастыряхъ, деревенскихъ церквахъ, подъ развалинами дворцовъ и храмовъ! Изъ одного только Вана, командированнымъ туда Академіей Наукъ Теръ Аветисяномъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вывезено около 1500 рукописей.

Исчисляемые тысячами рукописные памятники, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ не только о относительно высокой грамотности армянскаго народа, но и его вѣчно-живой духовной мощи, жгучей потребности къ культурной жизни!

1. Женскій бунтъ въ Константинополѣ въ 1758 г.

Объ ужасной дороговизнѣ въ Турціи, и объ уличныхъ безпорядкахъ, въ которыхъ принимали участіе и женщины, писалось не разъ. Однако, публика особенно къ послѣднему, отнеслась скептически, съ недовѣріемъ. Затворническая жизнь турчанки, ея тяжелое положеніе въ семьѣ и обществѣ исключала всякую возможность проявленія съ ея стороны какой-либо самостоятельности, а тѣмъ болѣе участія въ уличныхъ безпорядкахъ.

Гоша—Ванкъ.

Въ этомъ отношеніи весьма любопытна надпись, сдѣланная на одной изъ рукописей, нынѣ хранящейся въ книгохранилищѣ ванскихъ мхитаристовъ. Надпись датирована 1758 г. Судя по ней, Турція въ это время переживала острый кризисъ: всюду царилъ голодъ. Вообще, голодъ нерѣдко бывалъ гостемъ злосчастныхъ подданныхъ оттоманскихъ правителей, которые своими безконечными войнами въ корнѣ подрывали народное благосостояніе, задерживали развитіе народнаго хозяйства. Такъ, переписчикъ Требника, священникъ Акопъ, въ своемъ послѣсловіи пишетъ, что въ его время, т.-е. въ 1690 году, голодъ принялъ небывалые размѣры и продержался около 4 лѣтъ. «Народъ питался мясомъ хищниковъ, лошадей, муловъ, ословъ и всякой падалью». Въ Амидѣ (Діарбекиръ), гдѣ онъ жилъ, ежедневно умирали отъ голода по 20—30 человѣкъ. Самъ авторъ чуть не сдѣлался жертвою голода и, благодаря вниманію какого-то сердобольнаго купца, обезпечившего ему питаніе, не только сохранилъ свою жизнь, но и успѣлъ переписать упомянутую книгу, потративъ на это 1½ года. Подобный голодъ, видимо, переживалъ и Константинополь въ 1758 году. Мука и рисъ или вовсе отсутствовали, или же продавались по столь высокой цѣнѣ, что неимущимъ классамъ не на что было ихъ покупать. Имѣвшіеся запасы чаще припрятывались алчными продавцами, желавшими туже набить свои карманы. Власти ровно ничего не предпринимали противъ торговцевъ, да и врядъ ли были способны заботиться о благополучіи простого народа.

Отсутствіе предметовъ первой необходимости,

алчность купцовъ, индифферентность и продажность властей и создали ту благопріятную почву, на которой разразилась небывалая въ исторіи Турціи катастрофа. Прекрасныя обитательницы гаремовъ, турчанки, вопреки прямому запрещенію Магомета, вопреки установившемуся вѣковому обычаю, сбросили свою «чадру» и вышли на улицу. «Множество женщинъ, собравшись въ опредѣленномъ мѣстѣ, кинулись къ помѣщеніямъ, гдѣ были припрятаны припасы риса, разгромили ихъ, разнесли, расхитили весь рисъ, не обращая вниманія ни на визирей, ни на господъ».

Нужно ли удивляться, что Турція нашихъ дней, отрѣзанная отъ питавшихъ ее странъ и «опекаемая» изголодавшейся Германіей, переживаетъ тѣ же ужасы, какіе и 150—200 лѣтъ назадъ!

Арсенъ Туманянъ.

ХРОНИКА АРМЯНСКОЙ ЖИЗНИ.

Армянское начальн. училище въ Самарѣ.

(Отъ нашего корреспондента).

Мѣстная армянская колонія, которая постепенно разростается, въ послѣднее время чувствуетъ живѣйшую потребность пригласить учителя съ среднимъ армянскимъ образованіемъ для обученія болѣе чѣмъ 40 дѣтей армянскому языку и литературѣ. На собраніи отъ 20 марта членовъ мѣстной армянской колоніи было рѣшено открыть въ Самарѣ „начальное армянское училище", а для осуществленія этой идеи былъ избранъ попечительный совѣтъ, въ количествѣ 5 человѣкъ.

Въ день Пасхи попечительство собрало въ армянской колоніи для созданія школы солидную сумму, которая помѣщена на текущій счетъ въ одномъ изъ банковъ. Пожелаемъ полнаго успѣха этому молодому начинанію.

К. С.

Празднованіе юбилея Шекспира.

Общество армянскихъ писателей послѣ вечера, посвященнаго 300-лѣтію смерти Шекспира и Сервантеса, отправило въ Лондонъ черезъ члена парламента и предсѣдателя армянскаго фонда Лордмэра предсѣдателю Шекспировскаго комитэта Сэру Джорджу Александеру, слѣдующую телеграмму:

«Правленіе Общества армянскихъ писателей и многочисленная публика, собравшіяся на торжество по поводу трехсотлѣтія смерти Шекспира, выражаютъ чувства своего восхищенія и уважэнія черезъ Васъ, г. предсѣдатель, великой англійской націи, ея великолѣпной литературѣ, и преисполненныя чувства глубокой благодарности преклоняются передъ вѣчной памятью ея геніальнаго сына».

«Оризонъ».

МОСКВА.

Объ армянскомъ церковномъ совѣтѣ.

Въ № 88 газ. «Мшакъ», отъ 24 апрѣля с. г., за подписью «Одного изъ прихожанъ», напечатано слѣдующее открытое письмо изъ Москвы, обращенное къ членамъ московскаго армянскаго церковнаго совѣта.

«Въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ московской армянской колоніи,—сказано въ письмѣ,— упорно держатся слухи, что сумма, пожертвованная однимъ изъ мѣстныхъ богачей-армянъ на усиленіе средствъ кладбищенскаго капитала,— все еще не дошла до васъ. Размѣръ этой суммы исчисляется въ нѣсколько тысячъ, такъ какъ, во-первыхъ, покойный, какъ сказано, происходилъ изъ богатой семьи и, во-вторыхъ, потому, что покойному отведено мѣсто на кладбищѣ возлѣ церкви, гдѣ мѣста цѣнятся вообще очень высоко.

Останавливаться на томъ,— говорится далѣе въ письмѣ,—въ какихъ фантастическихъ контурахъ и кулерахъ носятся эти слухи,—не стану: скажу только, что между прочими слухами существуетъ и такой, весьма оригинальный, многими поддерживаемый,—это то, что церковный совѣтъ, коему все дѣло хорошо извѣстно въ его подробностяхъ, какъ бы умышленно обходитъ его молчаніемъ, ибо въ означенное дѣло замѣшалось третье лицо, съ которымъ церковному совѣту не особенно охота связываться.

Какими бы мотивами совѣтъ ни руководствовался, думается, слѣдуетъ все же помнить, что сумма, о которой идетъ рѣчь, общественно-національная, совѣту не принадлежащая, и небрежность къ ея судьбѣ—недопустима».

Далѣе авторъ письма продолжаетъ:

Завязавшійся узелъ тѣмъ не менѣе долженъ быть разрубленъ. Изъ создавшагося положенія, представляется намъ, есть лишь два выхода: совѣтъ обязанъ или созвать общее собраніе прихожанъ и довести до его свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ, выждавъ отъ него того или другого рѣшенія, или же, если у совѣта не хватаетъ такой рѣшимости, подать въ отставку in corpore предоставивъ такимъ образомъ свои функціи выполнять лицамъ, способнымъ въ подобныхъ случаяхъ не задумываясь шагать черезъ положенія.

«Въ заключеніе — заканчиваетъ авторъ свое письмо—въ видахъ успокоенія общественной совѣсти и возстановленія истины, считаю необходимымъ обратится къ совѣту за нижеслѣдующими разъясненіями: 1) извѣстно ли ему о существованіи среди московскихъ армянъ слуховъ, приводимыхъ выше; 2) если извѣстно, то въ какой степени они соотвѣтствуютъ дѣйствительности; 3) какъ приблизительно велика сумма, пожертвованная благотворителемъ и когда она должна была поступить въ кассу и 4) какого рѣшенія все же намѣренъ держаться совѣтъ по возбужденному вопросу объ исчезающихъ суммахъ».

Редакторъ-Издатель Ив. Т. Амировъ.

Типографія Акц. О-во «Моск. Издательство», Б. Дмитровка, 26.

Тип. Акц. О-ва «Московское Издательство». Б. Дмитровка, 26.